

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ:
ВЫЗОВЫ, РИСКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Монография

Под научной редакцией
профессора *О. А. Белобрыкиной*

НОВОСИБИРСК 2019

УДК 316.6+159.97+159.923
ББК 88.5+88.72+88.3
С568

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «НГПУ»

А в т о р ы :

О. О. Андронникова, канд. психол. наук, доц., проф. (раздел 1.1);
Л. Б. Шнейдер, д-р психол. наук, проф. (разделы 1.4; 2.1);
О. А. Белобрыкина, канд. психол. наук, доц., проф.
(разделы «Введение в проблему»; 2.3; «Вместо заключения»);
Ю. В. Ковалева, канд. психол. наук, доц. (раздел 1.3);
М. И. Кошенова, канд. психол. наук, доц.
(разделы «Введение в проблему»; 2.2; «Вместо заключения»);
М. Н. Зыкова, канд. психол. наук (раздел 2.1);
Т. М. Хусяинов, преподаватель (раздел 1.2; 2.4);
Е. Д. Муханова, магистрант (раздел 2.4);
Р. А. Лимонченко, студент (раздел 2.3)

Р е ц е н з е н т ы :

д-р пед. наук, доц., проф. кафедры практической и специальной психологии
ФГБОУ ВО «НГПУ»

И. А. Федосеева;

канд. психол. наук, подполковник юстиции, доц. кафедры криминалистики
Новосибирского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета Российской Федерации»

Е. С. Черкасова

С568 **Современная социальная реальность: вызовы, риски, перспективы :**
монография / *О. О. Андронникова, Л. Б. Шнейдер, О. А. Белобрыкина* и др. ;
под науч. ред. *О. А. Белобрыкиной* ; М-во науки и высшего образования РФ,
Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2019. – 130 с.

ISBN 978-5-00104-381-2

Издание представляет результаты социально-психологического исследования проблем, в наиболее явной форме фиксируемых в современной реальности: риски трансформации института семьи, увеличение доли аддиктивно-девиантных форм поведения, виртуализация жизненного пространства человека, утрата идентичности, распространенность явления кибербуллинга и др. Анализируется влияние фактора глобалистики на развитие как всего общества, так и отдельной личности. Профессиональная рефлексия причин, механизмов, особенностей содержания и индикаторов рисков современной реальности, характеристик субъектов позволяет определить траектории возможных социальных преобразований, прогнозировать варианты развития общества, социальных групп и личности с целью минимизации и устранения опасностей как уже состоявшихся, так и вероятных.

Адресуется преподавателям вузов, научным работникам, студентам высшей школы и слушателям послевузовского образования, специалистам, работающим в области социальной и молодежной политики, образования, здравоохранения.

УДК 316.6+159.97+159.923
ББК 88.5+88.72+88.3

ISBN 978-5-00104-381-2

© Оформление. ФГБОУ ВО «НГПУ», 2019

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

Актуальность исследования социально-психологических проблем, существующих в современной реальности, обусловлена, прежде всего, степенью той психологической «цены», которую платит почти каждый человек за возможность адаптации не просто к резким, а зачастую острокризисным преобразованиям макро– и микросоциума. Неблагоприятное воздействие социальных стрессоров переживается всеми слоями населения, однако наиболее восприимчивым и чувствительным к ним оказывается подрастающее поколение.

В монографическом издании представлены результаты теоретического анализа и эмпирических исследований ученых, как с большим исследовательским опытом, так и молодых исследователей. Представлены работы не только новосибирских авторов, но и из разных регионов центральной части России, что позволяет увидеть масштабность проблемы становления общества в современных условиях и выявить наиболее значимые предикторы позитивной или негативной траектории социального развития. В монографию вошли материалы, созвучные проблематике научной теме кафедры социальной психологии и виктимологии ФГБОУ ВО «НГПУ» – «Детерминации социального поведения человека и проблемы личностного выбора».

Несмотря на то, что последствия влияния многих факторов оценить в полной мере не всегда представляется возможным, авторы отдельных исследований осуществляют попытку моделирования вероятностных результатов. В частности, в монографии обсуждаются вопросы влияния процессов глобализации на население и социальные институты России. Показано воздействие ряда цивилизационных факторов, приводящих к деформации социализации личности и её виктимизации.

Одним из следствий глобализации и распространения информационных и медиатехнологий стала виртуализация значительной доли жизненного пространства современного человека. В материалах мо-

нографии представлены результаты анализа социальных, политических, экономических и этических аспектов виртуализации.

Один из разделов научного издания посвящен анализу результатов изучения социальных представлений о будущем российской семьи, разделяемых членами социальной группы и обществом в целом, выступающие одним из маркеров, по которому возможно построение долгосрочной социальной перспективы.

В контексте проблематики жизненных выборов человека в современной социокультурной реальности достаточно оригинальный взгляд представлен на возникновение аддикций. С позиции психологического анализа исследователи рассуждают о зависимостях как форме измененного состояния сознания, заключающейся в компенсации нехватки счастья, внимания, радости и др.

Особое внимание в работе сфокусировано на проблематике девиантного поведения личности как наиболее информативном индикаторе социального, экономического, политического и психологического неблагополучия общества. В этом контексте ключевой интерес авторов сосредоточен на анализе причин и особенностей проявления отклоняющегося поведения в детской и молодежной среде. Наиболее восприимчивой частью общества, в обостренной форме чувствующей многие социальные сдвиги и испытывая их последствия на себе, являются подростки. Именно социальная сензитивность рассматривается как одна из причин девиантогенности подросткового возраста. Очевидно, что для своевременного предупреждения аддиктивных и девиантных форм поведения или поиска наиболее эффективных способов работы по их преодолению важно выявить социально-психологический профиль подростка с поведенческими нарушениями.

Монография подготовлена коллективом авторов:

Шнейдер Лидия Бернгардовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой специальной психологии ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Институт психологии им. Л. С. Выготского (г. Москва).

Андроникова Ольга Олеговна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры практической и специальной психологии, декан факультета психологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», Председатель Новосибирского отделения Общероссийской общественной организации «Федерация психологов образования России», Член American Psychological Association (APA), Член Российской академии естествознания (РАЕ), Член Профессиональной психотерапевтической лиги (ППЛ), сертифицированный гештальт-терапевт (г. Новосибирск).

Белобрыкина Ольга Альфонсовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии факультета психологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», действительный член «Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека», научный сотрудник НИЛ социально-психологических исследований НГПУ, руководитель проблемно-исследовательской группы «Психологическая экспертиза в образовании», член редакционной коллегии научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, детский практический психолог (г. Новосибирск).

Ковалева Юлия Валерьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук», заместитель главного редактора журнала «Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология» (г. Москва).

Кошенова Марина Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии и виктимологии факультета психологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», заведующий НИЛ социально-психологических исследований НГПУ, член редакционной коллегии научных журналов «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири», «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine» (г. Новосибирск).

Зыкова Маргарита Николаевна, кандидат психологических наук, преподаватель Калининградского областного института развития образования (КОИРО), методист МБУ ДО «Детско-юношеский Центр» г. Светлогорска Калининградской области (г. Калининград).

Хусяинов Тимур Маратович, менеджер факультета гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)», преподаватель департамента социальных наук НИУ ВШЭ (г. Нижний Новгород).

Муханова Елена Дмитриевна, магистрант 1 курса ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»», образовательная программа «Социология публичной и деловой сферы» (г. Нижний Новгород).

Лимонченко Роман Андреевич, студент 5 курса факультета психологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», специальность «Педагогика и психология девиантного поведения», специализация «Психолого-педагогическое сопровождение детей и подростков группы риска» (г. Новосибирск).

Авторы полагают, что монография будет востребована и информативна как для научных работников, преподавателей психологии, аспирантов, магистрантов и студентов, так и специалистов, работающих в области социальной и молодежной политики, образования, здравоохранения.

Раздел 1

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

1.1. Виктимологические аспекты развития современного общества: состояние и перспективы

Современные социальные системы характеризуются достаточно высоким уровнем транзитивности на всех уровнях своего функционирования, который обуславливает деформацию взаимодействия системы «человек – социум». Изменения взаимодействия личности и социализирующих ее систем на всех уровнях функционирования приводит к возрастанию социально-психологических детерминант виктимизации личности. Всё это приводит к возросшему вниманию исследователей к вопросам виктимизации в рамках различного уровня агентов социализации [2]. Необходимо отметить, что современный интерес, связанный с потребностью социальных наук выявить и объяснить сущность происходящих изменений глобального масштаба, наблюдаемых в мировом сообществе, сопровождается устойчивой тенденцией смещения фокуса внимания от вопросов психологической детерминации личности жертвы, к социальной проблематике изучения факторов виктимизации. Особенно ярко данная тенденция прослеживается в последнее время, что может быть объяснено нами как стремление научного сообщества раскрыть сущность морфогенетических социальных процессов, характерных для происходящей глобализации современного общества, и их влияние на процессы виктимной деформации личности и общества.

Рассматривая различные аспекты транзитивности современного общества, необходимо выделить несколько важных параметров, обозначенных авторами в рамках социологии, криминологии, психологии.

Во-первых, необходимо отметить вопросы влияния макросоциальных процессов на происходящие социальные изменения: мираси-

стемные трансформации, геополитические изменения и глобализацию [9; 10; 15]. Отметим, что влияние макро-факторов (геополитики и глобализации) детерминирует изменения функционирования систем социализации на всех уровнях, начиная от трансформации глобальных геополитических процессов, через влияние культурологических изменений отдельного социума к микро-социальным воздействиям референтной группы (семья, школа, субкультура) конкретного человека.

Во-вторых, необходимо отметить социальную неопределённость и неустойчивость протекания основных социальных процессов, что, собственно, является закономерной характеристикой транзитивности [19].

В-третьих, наблюдается переориентация массового сознания, связанная с переходом на форматы «нового мышления», возникновения «новой ментальности», трансформации традиционных ценностей, норм и правил, формирование так называемой «переходной морали» [4; 17; 20; 21].

В-четвертых, необходимо отметить влияние возникшего информационного пространства, приводящего к изменению принятых в культуре специфических отношений межличностного плана, норм и традиций организации бытия [3; 22].

При этом нужно обозначить, что все перечисленные аспекты так или иначе являются следствием столкновения двух глобальных социальных макропроцессов (геополитики и глобализации), серьезно виктимизирующих все социальные сферы. В настоящий момент привычная ранее система социального функционирования не способна удовлетворять запросы времени и обеспечивать стабильность, а новый формат социального взаимодействия еще только складывается. Попытка внедрения социальной системы современного гегемона (коиными в данный момент выступают США и ЕЭС с последующей активной и естественной экспансией норм и традиций гегемона во все государственные системы остальных государств) или встречает пассивное сопротивление, или не подкреплена необходимыми ресурсами на

уровне экономики, юриспруденции, систем управления, кадрового резерва.

Опишем основные макро-социальные процессы через призму виктимизации отдельного человека и социальных групп. Рассматривая глобализацию как морфологический процесс, обуславливающий комплексную морфологическую трансформацию структуры общества, К.В. Вишневецкий отмечает закономерный процесс дифференцированности виктимизации социальных групп в зависимости от степени включенности их в процессы глобализации [2].

Глобализация, рассматриваемая в контексте всесторонней интеграции стран мира в технологической, информационной, культурной, экономической и политической сферах, выступает закономерным процессом, приводящим к комплексной морфогенетической трансформации структуры современного общества и приводит к значительной социальной дифференциации и трансформации стратификационных процессов. Наблюдаемые в результате глобализации изменения социальной стратификации, приводящие к неравному положению социальных сообществ относительно друг друга по ряду социально значимых признаков и смещению привычных стратификационных социальных параметров, определяют возникновение различных виктимных моделей поведения, усваиваемых ребёнком через взаимодействие с агентами социализации.

Несмотря на значимость позитивных изменений глобализации, необходимо отметить ряд негативных последствий, выделяемых авторами:

- увеличение социальной и криминалистической уязвимости населения [14];
- экономическое расслоение населения, появление части населения со сверхдоходами при наличии категории граждан за чертой бедности [11];
- уничтожение современных политических, экономических и институционализированных социальных отношений до возникновения новых [16];

- усложнение современных социально-политических структур, возникшее вследствие отягощения их отношений в контексте национальных и наднациональных общностей [14];
- возрождение локального национализма как следствие ослабления национальных чувств [5];
- появление ранее не существовавших популяций (расово-этнических и культурно цивилизованных групп);
- нарастающая деструкция социальных процессов, опосредованная неустойчивостью социально-групповой структуры общества, трансформацией нормативно-ценностных систем, быстротой культурных сдвигов, искусственным ростом мобильности людей, новыми индивидуализированными видами трудовой деятельности;
- увеличение объёма функциональных социальных связей конкретного человека при повышении общей конфликтогенности социальных отношений;
- потребность разработки новых технологий организации социальной деятельности, обеспечивающих эффективное функционирование человека в информационном пространстве [13];
- отказ от традиций и сложности выбора индивидом моделей эффективного поведения, возникающие в результате трансляции образа жизни и стиля на планетарном уровне, без учета культурологических и национальных устоев [7];
- анонимность и транзитивность социальных отношений, приводящие к снижению уровня защищенности отдельной личности, подкрепленная фрагментарностью структуры урбанистических отношений [17] и, как следствие, переживанию эмоциональной пустоты и саморазрушения;
- ослабление связей отдельной личности с социальной средой или группой, транслирующей ясную систему норм и ценностей, приводящее к духовно-нравственной и правовой девальвации, обнищанию внутреннего мира человека [7];

– нарушение личностной и социальной идентичности и, как следствие, психическое отчуждение людей [5], связанное с процессами вытеснения традиционных групповых связей.

Рассматривая различные аспекты влияния глобализации на макроуровне, необходимо отметить закономерности функционирования разноуровневых социальных систем. Подвергая анализу взаимосвязь функционирования макро-, меза- и микросистем, важно отметить, что трансформация процесса социализации будет наблюдаться на всех уровнях. Внешние глобальные факторы виктимизации, связанные с мировыми процессами, сказываются на специфике функционирования социальных структур мезоуровня и микроуровневом окружении. Исходя из теории социетальных систем, необходимо отметить, что личность, включённая в микросистемы социализации, автоматически испытывает на себе влияние систем более высокого порядка. Микросистема, определенная непосредственным окружением ребёнка, выполняющая задачи первичной социализации (семья, школа, детский сад) и формирующая модели поведения, включена в мезосистему, объединяющую собой микросистемы, и отражает их взаимосвязи. Макросистема обеспечивает стабильность функционирования внутренних систем на основе различных социально-экономических, политических, аксиологических, идеологических и культурных особенностей каждого общества. Наблюдаемое в настоящий момент нарушение макросистемных факторов, несомненно, приводит к сдвигу мезосистем и соответствующему изменению в микросистемах.

В условиях транзитивности современного общества происходит нарушение естественного функционирования социальных систем и возникает достаточно большое количество внешних и внутренних противоречий, усиливающих дисбаланс между негативными факторами внешней среды и внутренней устойчивостью личности, способностью к преодолению рисков [1]. Возникающий дефицит ресурсного потенциала личности приводит к процессам дезадаптации и динамическим изменениям структуры личности и её поведения [12]. Уязви-

мость к критическим ситуациям определяет дефектное социальное функционирование и чувствительность к воздействию виктимологических факторов.

Рассматривая этимологические аспекты развития современного общества, необходимо отметить, что значительные изменения касаются не только общества, но и конкретной личности. В настоящий момент наблюдается феномен дестабилизации отношений между отдельной личностью и социумом, приводящий к риску нарушения социальной идентичности человека. Вовлеченность личности во множество взаимодействий, не наполненных целевым, аксиологическим и нравственным содержанием, приводит к формированию неустойчивой структуры с низким адаптационным потенциалом. Деаксиологизация сознания вызывает смещение ценностей в зону антиценностей как основы для личностных детерминант развития. Нарушение аксиологических основ естественных культурных сообществ, снижение национальной идентичности также приводит к нарушению ответственности отдельной личности за свои жизненные планы.

Наблюдается сепарация общества на две противоположные и часто изолированные друг от друга группы, одна из которых нацелена на рост интеллектуального развития и образование, тогда как другая в фокусе внимания держит удовлетворение материальных благ. Данная тенденция отражает существующую сепарацию общества на класс носителей знаний (knowledge-class) и работников производства (consumption workers). Основой для такой сепарации выступает доступность знаний и умение ими пользоваться. Данный процесс приводит к трансформации привычных стратификационных категорий, приводя к формированию новой общественной структуры с более жёсткой структурной организации власти, основанной на принципах индивидуальных возможностей и таланта.

Подобную же мысль можно наблюдать у М. Кастельс и П. Драйкер [23; 24]. Авторы отмечают, как значимое различие, вызванное глобализацией современного общества, влияние субъективных характеристик человека на его способность занимать определённый стра-

тификационный уровень. Впервые основой для стратификации становятся неустранимые и естественные факторы, связанные с конкретной личностью.

Анализируя происходящие в современном обществе процессы, У. Бек также отмечает тенденции, ведущие к распаду существующих иерархических социокультурных моделей. Причину данного процесса автор видит в распаде классовой идентификации и нарастающей мобильности населения, приводящих, с одной стороны, к свободе от принятых социальных форм индустриального общества, с другой, – лишаящих ориентиров. Анализируя состояние криминальной виктимизации социальных групп, К.В. Вишневецкий описывает данное социальное явление как «социально демографическую пирамиду», вершину которой составляют представители мировой элиты, чье благополучие обусловлено процессами глобализации [18]. Вторая иерархическая группа состоит из людей, чьи жизненные принципы и образ мышления идентичны представителям глобалистической элиты, но при меньшем масштабе деятельности. К третьей группе относятся те, кто связан с процессами глобализации в рамках национальных границ. В четвертую группу относятся люди с высоким уровнем жизни, занятые в каком-либо сегменте экономики собственных стран. К пятой группе отнесены все остальные представители человечества.

Такая стратификационная пирамида, с одной стороны, строится в системе традиционных стратификаций индустриального общества, с другой, – находится в системе деформаций под воздействием глобалистических социальных процессов. Особенностью российской стратификационной системы является состояние «стратификационного хаоса», когда старые характеристики уже обесценены, а новые еще не сложились. В контексте виктимизации социальных групп, данная ситуация повышает вероятность виктимного риска для многих социальных страт. Этот риск связан с рассогласованием ценностных и культурных норм, как на уровне отдельного индивида, так и различных страт.

Необходимо отметить ещё один важный аспект, актуальный при анализе виктимизации современного общества. Данный аспект отражает изменения межэтнических отношений, напряженность которых может выступить серьезным фактором виктимизации социальных групп. Размывание культурных, этнических и групповых границ, наблюдаемое в последнее время, оказывает серьезное влияние на восприятие человеком собственной жизни и формирование мотивов и ценностей, которые зачастую отличаются от традиционных [6]. Стирание национальных границ, возникшее в результате глобализации и транснационального воздействия, приводит к унификации этнических сообществ и потере самобытности, которые, в свою очередь, вызывают внутреннюю потребность сообществ к возведению барьеров, способных сохранить этническую самобытность, и к усилению этнического антагонизма. Наблюдаемая социально-этническая нестабильность приводит к возникновению крайних форм утверждения этнической самобытности, повышая виктимизации социальных страт (сепаратизм, изоляция, ксенофобия) [8].

Таким образом, анализируя происходящие в социальном пространстве виктимологические процессы, можно говорить, что основой их являются макросоциальные морфологические процессы глобализации современного мира. Порождение новых конфликтов, социальная разобщенность, дифференциация благосостояния, новая стратификационная система, социальное неравенство, размывание этнических границ выступают факторами глобализации, вызывая напряженную обстановку.

Таким образом, как основные тенденции виктимизации современного общества можно рассматривать следующие:

1. Нарушение социокультурной самоидентификации общества и маргинализация значительных групп населения, связанные со стратификационным неравенством и социально-экономическими факторами.

2. Ослабление жестких связей с социальной стратой, с одной стороны, снижающее виктимизацию конкретных форм и повышаю-

шее выбор стратегий жизни при одновременном увеличении риска на уровне виктимизации социальных групп, – с другой. Несомненно, это повышает степень риска социальной виктимизации личности и нивелирует индивидуальное снижение виктимности.

3. Информатизация общества и доступность широкого спектра виктимных поведенческих реакций через информационную сеть повышает риски виктимизации, снижая одновременно национальную идентичность личности.

4. Ослабление общей включенности личности в различные традиционные и этнические социальные институты, которое приводит к деструкции социальных классов и разрушению привычных иерархических моделей. Результатом становится снижение эффективности нравственных и национальных регуляторов поведения личности, что может привести к увеличению процессов анатомии и кризису ценностно-смысловой сферы личности. При том, анатомия будет рассматриваться нами не только как процесс социальной виктимизации на личном уровне, но и на уровне социальных групп.

5. Наблюдаются процессы отчуждения личности, девальвации ценностей и идеалов, разрушения института семьи, морально нравственных норм. Всё это приводит к возникновению ощутимых угроз разрушения системообразующих элементов структур самосознания современного человека, нарастающей тревоге и страху. Нарушение процессов идентификации с обществом, семьёй порождает серьёзный уровень дестабилизации отношений между личностью и социальными структурами.

6. Резкое возрастание доступа к информации и знаниям, при увеличении влияния фактора умения распоряжаться этими знаниями, приводит к серьёзной сепарации благосостояния и значимости высокоинтеллектуального труда на рынке. Превалирование информационных технологий и технологий управления социальными процессами над процессами производства и воспроизводства делит общество на два класса, больший из которых, связанный с производством материальных благ, будет подвергаться виктимизации и обнищанию. Это

приводит к увеличению разрыва между бедными и богатыми личностями, между бедными и богатыми странами, что может приводить как к индивидуальной виктимизации отдельных сообществ, так и к развитию различных форм международного терроризма.

7. Особенности формирования виктимных социальных статусов в России связаны, в первую очередь, с установлением «стратификационного хаоса» и усилением виктимности различных социальных статусов. Это касается, прежде всего, миграции, аномических процессов, десоциализации отдельных личностей. При этом аномия и десоциализация будут проявляться как на уровне самосознания личности, так и в контексте воспроизводства социальных установок на восприятие отдельных социальных групп. Специфика российской ситуации проявляется в том, что десоциализация коснулась не только низших страт, но и высших.

Таким образом, подводя итог, необходимо отметить сложность и многообразие тенденций современного общества, детерминирующих возможности виктимизации социальных групп и отдельного индивида.

Список литературы

1. Андронникова О. О. Психологическая безопасность образовательной среды и ее роль в формировании и обучении личности // Актуальные проблемы специальной психологии в образовании: материалы VI и VII межрегиональных научно-практических конференций «Здоровьесберегающие технологии в семье и в школе (1–2 ноября 2006 г. и 26–27 ноября 2007 г.)». Новосибирск: Изд. НГПУ, 2008. С. 19–27.

2. Вишневецкий К. В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 399 с.

3. Войскунский А. Е. Исследования Интернета в психологии // Интернет и российское общество / под ред. И. Семенова. М.: Гендальф, 2002. С. 235–250.

4. Войтова Л. М. Девиантное поведение: трансформация понятий нормы и отклонения в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2002. 22 с.

5. Галецкий В. Ф. Демографические проблемы глобализации: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2001. 22 с.

6. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
7. Дилигенский Г. Г. Глобализация в человеческом измерении // Глобализация в социально-философском измерении: сборник материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 4–16.
8. Еремеев С. Г. Вызовы глобализации: этнический и религиозный экстремизм в современном мире [Электронный ресурс] // ANTHROPOLOGY: Web-кафедра философской антропологии. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/eremeev-sg/vyzovy-globalizacii-etnicheskiy-i-religioznuy-ekstremizm-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 24.12.2018).
9. Изгарская А. А. Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2015. 45 с.
10. Коллинз Р. Геополитические и экономические миросистемы основанных на родстве и аграрно-принудительных обществ // Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. Вып. 2: Структуры истории. С. 462–476.
11. Мотрошилова Н. В. Идеи единой Европы // Вопросы философии. 2004. № 12. С. 3–18.
12. Руденский Е. В. Дефицитно-компетентностная деформация личности подростка: пропедевтика онтологической виктимизации личности: монография. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. 112 с.
13. Скородумова О. Б. Интернет и его основные социокультурные функции // Философия и общество. 2004. № 1. С. 119–137.
14. Солонин Ю. Н., Аркан Ю. Л. Пути России: замечания, полемика и попытка оценки // Перспективы человека в глобализирующемся мире / под ред. В. В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 222–239.
15. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ., коммент. и ст. В. В. Сапова. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с.
16. Социальная стратификация российского общества / под ред. З. Т. Голенковой. М.: Летний сад: Институт социологии РАН, 2003. 366 с.
17. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
18. Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 17–18.

19. Фоминых Е. С. Факторы и условия виктимизации личности в условиях транзитивного общества // Виктимология. 2017. № 3 (13) С. 52–56.
20. Фрумкин К. Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста [Электронный ресурс] // Ineternum 2010. № 1. URL: http://nounivers.narod.ru/ofirs/kf_clip.htm (дата обращения: 17.12.2017).
21. Юревич А. В. Структурные элементы национального менталитета [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 29. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/837-yurevich29.html> (дата обращения: 26.12.2018).
22. Ягодзинский С. М. Информационное пространство глобальных сетей: социально-философский аспект // Вестник Национального авиационного университета. Серия: Философия. Культурология: сборник научных трудов. М.: НАУ, 2013. Вып. 1 (17). С. 77–80.
23. Castells M. The Information Age // Economy, Society and Culture. Vol. 2: The Power of Identity. Maiden. Oxford, 1997. pp. 359.
24. Drucker P. F. The New Realities. Oxford, 1996. 168 p.

1.2. Микронационализм и виртуализация государства: между протестом и социализацией¹

Современное общество претерпевает серьезные изменения под влиянием Информационной, а затем Цифровой революций. Человек всё в большей степени начинает использовать различные средства коммуникации, перенося свою социальную активность в виртуальное пространство. Различные социальные отношения получают виртуальную реализацию, в том числе, и политические. Трудно представить себе новостные ленты без политических новостей. Публичные страницы всё большего числа политиков появляются в социальных медиа, а политическая реклама проникает на различные развлекательные ресурсы для повышения охвата аудитории. В условиях тотальной открытости и распространённости доступа к сети Интернет,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-011-00335 «Козволюция естественного и искусственного как условие сохранения жизненного мира человека».

формируется единая медиасфера, которая становится новой сферой общественной жизни и призвана выступить глобальной коммуникативной площадкой [6; 12].

Человек, с ростом числа различных технических средств в его жизни, всё больше погружается в эту новую среду и переносит в неё различные явления, существенно их видоизменяя, к примеру, отказываясь от офисной работы в пользу удалённой занятости посредством сети Интернет, или получая различные услуги и приобретая товары, развлекаясь и/или проводя досуг и т. д. Сеть Интернет стирает границы между государствами, позволяя взаимодействовать людям из разных уголков планеты. Подобные перемены оказывают существенное влияние на мировоззрение человека, на его стремление к свободе, волеизъявлению и желанию принимать активное участие в политической, общественной и культурной жизни, что во многом совпадает со стремлением молодёжи к самореализации и самоутверждению. Это делает сеть Интернет, со всеми её возможностями, площадкой по реализации своего потенциала для многих людей, а, особенно, молодёжи, которая является наиболее активным пользователем Глобальной сети и испытывает наибольшие потребности в реализации себя [14].

Широкое распространение интернет-технологий и доступа к сети Интернет позволяет создавать различные Интернет-проекты, как направленные на саморазвитие, получение новых знаний, так и на улучшение окружающего мира, при этом, допуская возможность участия пользователей со всего мира. Среди проектов, создаваемых для совершенствования мира, можно встретить как небольшие социальные проекты в защиту парка, так и проекты создания новых государств – Виртуальных государств. Причем, создание виртуальных государств соответствует общим тенденциям процессов глобализации и информатизации, и ставит вопрос о месте новых политических структур в современной геополитике [4; 10; 11; 19].

Явление «Виртуальных государств» выросло из «фантазийных государств», в которые играли подростки, представляя себе государственное устройство и государственные дела. Нередко в рамках

школьной или какой-либо дополнительной образовательной или досуговой деятельности (летние оздоровительные или спортивные лагеря, секции и т.д.) педагоги создают в рамках игрового взаимодействия модели государства, причем именно форма игры задаёт стимул к дисциплине и самоорганизации, а также развивает различные социальные навыки. Подобным примером является Королевство Эллеоре, которое было создано группой школьных учителей из Дании. В 1944 году они приобрели остров Эллеоре в Роскилле-фьорде и превратили его в летний лагерь для детей [16].

Современные информационно-коммуникативные технологии позволяют создать такое пространство в киберреальности. Здесь регулярно создаются так называемые Виртуальные государства или Микронации – социально-политические новообразования, представляющие собой самоорганизующуюся социальную группу, объединенную вокруг идеи, существующего в такой форме «нового» государства. Отметим, что в данном случае мы не говорим о таких квазигосударствах как Ужупис в Вильнюсе [5] или Христиания в Копенгагене [13], Себорга в Италии, которые имеют особый правовой статус, постоянную территорию и население.

Часто виртуальные государства и микронации объединяются в одну категорию. Так, самый крупный ресурс – энциклопедия о виртуальных государствах – имеет домен <http://micronations.wiki>. Доктор юридических наук Л.В. Голоскоков определяет Виртуальное государство как не имеющее территории, многих традиционных для государства институтов (армия, полиция, таможня и др.), а связь между индивидами и различными группами осуществляется в электронной форме [1, 2, 3]. Другой российский автор – С.Б. Переслегин, в работе «О концепции «виртуального государства»», определяет его как государство без территории, но уточняет, что государство может иметь свои посольства и консульства, обладающие правом экстерриториальности в соответствии с международным законодательством [7].

Важная особенность данной формы новообразований заключается в независимости от каких-либо политических, экономических

и социальных факторов, мнения старшего поколения и традиций, существующих в обществе. Виртуальное государство вынесено за пределы предметного мира и может существовать по собственным законам и правилам. Лишь в тех случаях, когда оно использует ресурсы виртуальных социальных сетей или хостингов, перед «государством» стоит необходимость соблюдать правила этих сервисов, предоставляющих ресурсы.

В качестве «населения» выступает группа энтузиастов, создавших или присоединившихся к Виртуальному государству, именно они могут принимать участие в организуемых Виртуальным правительством мероприятиях, становятся потребителями части выпускаемой сувенирной продукции и субъектами права Виртуального государства. Одним из ярких примеров является Виртланд – исключительно виртуальное государство, которое, однако, имеет намерение приобрести территорию для того, чтобы соответствовать всем критериям независимого государства, описанным в Конвенции Монтевидео (1933) [18]. Другой важной стороной именно для виртуальных государств является размещение своих серверов, которые на данный момент физически не могут быть размещены за пределами ни одного государства.

Сам микронационализм имеет достаточно много форм, поэтому формулировка определения данного понятия – достаточно трудная задача. В то время как для одних – это игра или хобби, другие воспринимают его как проект моделирования государства, возможность получить опыт и знания в политической сфере, третьи же воспринимают данное явление очень серьезно и рассчитывают на обретение суверенитета и международного признания.

В отличие от сепаратизма, микронационализм и построение Виртуальных государств, как правило, не претендуют на территории существующих в мире государств, не посягают на их суверенитет. Они существуют в своём виртуальном мире и взаимодействуют с другими, подобными им, новообразованиями. Лишь в редких случаях происходят попытки приобретения территории у признанных

стран, в других случаях они претендуют на территории Антарктиды или занимаются поиском территорий, официально не принадлежащих другим государствам. Существует целый ряд Виртуальных государств, лишь условно занимающих какую-то территорию там, где проживают их создатели. При этом они не способны на вооруженное противостояние, и тем самым отличаются от сепаратистских движений. С одной стороны, Виртуальные государства – это пространство для политической самореализации и социализации, а, с другой, – протест против существующей системы. Политическая культура и взгляды молодого человека могут резко отличаться от его окружения, и именно Виртуальное государство может дать ему возможность для объединения и коммуникации с другими в одном смысловом пространстве.

Заметим, что именно в молодом возрасте закладываются основы, определяющие политическую культуру и систему ценностей. На этом фоне в рамках политической и гражданской социализации молодой человек может начать поиск того варианта политических взглядов, который ему в наибольшей степени подходит [9]. Большое значение на данный момент в процессе политической социализации молодежи играют политические и общественные организации, но их деятельность нередко используется различными политическими силами для достижения собственных целей [8].

Современное молодое поколение получило огромные возможности самовыражения и самореализации, однако, одна сфера для них по-прежнему является малодоступной – политика. В отличие от искусства, науки или даже экономики, стать активным субъектом политической сферы для молодого поколения проблематично. Как в силу определённых социальных установок, так и правовых барьеров (возрастной ценз на избрание в определённые органы власти). Кроме того, стоит отметить, что далеко не все политические силы и взгляды могут быть представлены в определённой стране или регионе. Таким образом, формируется необходимость в возникновении некоего политического пространства, где любой молодой человек имеет возмож-

ность для самореализации и выражения собственных политических взглядов.

Проникновение электронной демократии и сервисов электронного государства в жизнь граждан может как включать молодое поколение в реальную политическую сферу, так и демонстрировать образец реализации для Виртуальных государств. Так, отдельные из подобных новообразований периодически привлекают к голосованиям и референдумам по значимым для них вопросам всех «граждан»-пользователей. Подобных примеров, когда молодые люди – школьники и студенты – создают «Виртуальные государства» на данный момент насчитывается несколько тысяч. Здесь мы можем встретить широкий спектр политических идеологий, форм правления и государственного устройства, режимов, многочисленные отсылки к реально существовавшим государствам и встретить абсолютно придуманные. Сами названия (Княжество Айселлант, Федеративная Республика Лостайленд, Советская Социалистическая Республика Надирия, Империя Карния-Русения, Королевство Полломаа и т.д.) демонстрируют обширный круг политических взглядов молодых людей в разных точках планеты, создающих подобные проекты, а виртуальное пространство может использоваться для самореализации и создания собственных политических или политико-ориентированных проектов – государствоподобных новообразований, квазигосударств. Отдельно стоит отметить, что далеко не все «Виртуальные государства» создаются подростками и молодежью, существует достаточное количество проектов, созданных более старшим поколением, тем не менее, причины для этого могут заключаться уже в другом.

В отличие от традиционных государств, виртуальные редко возникают в ходе закономерного политического процесса, причина которого кроется в воле группы индивидов. В основу Виртуального государства ложится принцип гражданского общества, где каждый гражданин может принимать участие в развитии государства, причем принятие и соблюдение законов происходит по воле самих граждан, а не навязывается государством.

Как уже было отмечено, существует немного способов для политической активности молодых людей, но, это не единственная причина. Некоторые из них совмещают деятельность в Виртуальных государствах и политическую активность в реальном мире. Вместе с тем, лишь в первом случае они могут занимать «высокие посты» и принимать «судьбоносные решения», удовлетворяя свои потребности в политической и гражданской активности.

Киберреальность даёт пользователям Глобальной сети возможность примерять на себя определенный образ (Аватар), сохраняя анонимность, совершая разного рода действия и продвигая определенные идеи. При этом подобные проекты достаточно редко посягают на суверенитет существующих государств (чаще всего охватывая в масштабах своих границ личную собственность участников), не задевают интересы других людей и социальных групп и дают возможность для самореализации и самоактуализации в рамках политической социализации молодого человека.

Следует отметить, что далеко не всегда создателями подобных новообразований является молодежь, нередко можно отметить участие лиц среднего и даже пожилого возраста. Для одних – это способ проведения досуга, для других – основа бизнеса, третьи же таким образом выражают свой протест против существующей политической системы. Применив к себе образ политика или государственного управленца, субъект имеет возможность в рамках этого статуса принимать решения, влияющие на других «граждан и даже на другие Виртуальные государства. Однако всех, кто находится за пределами этой замкнутой реальности, эти решения не затрагивают, что является позитивной особенностью подобной формы новообразований, одним из проявлений их асоциальности, т.е. существование и деятельность вне социума, без агрессии в его сторону.

Включение в реальность Виртуальных государств, которые, по сути, являются асоциальными сообществами, не может не оказывать влияния на молодого человека, причем как позитивного, так и негативного. С одной стороны, для того, чтобы вести активную «полити-

ческую деятельность» в киберреальности, от него потребуются познания в политологии, праве, истории и социологии.

В ходе «государственного строительства» коммуникативное пространство наполняется символическим капиталом: возникает государственная символика, разветвленная система государственного управления и разного рода нормативных актов, устанавливаются личные и межгрупповые контакты внутри этого коммуникативного пространства. Виртуальные государства становятся своеобразными «Зонами обмена», где могут встретиться молодые люди, в некоторых случаях и более взрослые, из разных стран, культур, с разным социальным опытом. При постоянном взаимодействии в киберреальности, в рамках своих Виртуальных государств и «дипломатических отношений», происходит не только обмен мнениями, но и дискуссии и даже конфликты. Кроме того, периодически происходят реальные встречи глав Виртуальных государств. Примерами подобных мероприятий является конференция «MicroCon» в США, организуемая раз в 2 года [17], и конференции микронаций, проводимые в Великобритании и Италии.

С другой стороны, впечатлительность и проблемы с самооценкой могут привести к неблагоприятным последствиям, например, попытке перенести образ из Виртуального государства в предметный мир и попытку самореализовываться в этом образе вне киберреальности, что закономерно приводит к неудачам, фрустрации и иным негативным последствиям, в том числе, и психологическим.

Также важно отметить, что, как описано в работе Зигмунда Баумана «Европа незнакомцев» [15], происходит отдаление от тех, кто живет рядом в пользу «дальних», связь с которыми поддерживается посредством Глобальной сети. При этом на фоне глобализации, Виртуальные государства выступают проявлением глобализации, когда небольшая группа единомышленников создаёт собственное сообщество, пусть и виртуальное, и заботится о собственной идентичности, принадлежности к этому сообществу.

Подводя краткий итог, отметим, что в рамках данной работы было рассмотрено новое явление современного мира, возникшее

вследствие глобализации, информатизации и виртуализации, имеющее ряд политических, социальных, экономических, а также этических аспектов. С точки зрения дальнейших исследований, Виртуальные государства являются интереснейшим объектом, но перед исследователями встают серьёзные трудности, связанные с разрозненностью, разной степенью представленности в виртуальном пространстве, а также с отсутствием информации на доступных для исследователей языках.

Список литературы

1. Голоскоков Л. В. Предложение о создании действующей модели виртуального сетевого инновационного государства [Электронный ресурс] // Материалы международной научно-практической конференции «Государство, Конституция, Родина», 23 мая 2013 года / под. ред. д-ра юрид. наук Л. В. Голоскокова. М.: Изд-во Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, 2013. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/gkr_2013/source/authors/Goloskokov.pdf (дата обращения: 10.12.2018).

2. Голоскоков Л. В. Доктрина виртуального сетевого инновационного государства [Электронный ресурс] // Новая правовая мысль. 2014. № 1 (60). С. 41–49. URL: <http://legalconcept.org/wp-content/uploads/2014/03/9-%D0%93%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%B2.pdf> (дата обращения: 10.03.2018)

3. Голоскоков Л. В. О сетевых методах конституционного и государственного строительства [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Юридические науки. 2013. № 1 (2). С. 28–32. URL: http://www.muiv.ru/vestnik/pdf/un/un_2013_1_28_32.pdf (дата обращения: 10.12.2018).

4. Журавлев А. Л., Ковалева Ю. В. Современные глобальные вызовы и задачи глобальной психологии // Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное: монография / под науч. ред. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. С. 8–14.

5. Костригин А. А., Хусяинов Т. М. Ужупис – «Республика» в центре Вильнюса // Урбанистика. 2015. № 1. С. 19–32.

6. Кошенова М. И. Информационная культура как новая матрица онтогенетического развития // Психологическое здоровье как условие самореализации

личности: материалы научно-практической конференции / под ред. М. И. Кошеновой, В. М. Физикова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 143–152.

7. Переслегин С. Б. О концепции виртуального государства [Электронный ресурс] // Официальный сайт С. Б. Переслегина. URL: http://www.igstab.ru/materials/black/Per_Virtu.htm (дата обращения 10.03.2018).

8. Песков А. Е., Кленина Е. А. Политическая социализация молодежи как фактор развития демократических и национальных основ общества в эпоху глобализации // Наука и современность. 2014. № 1(1). С. 183–187.

9. Песков А. Е., Кленина Е. А. Роль политической социализации молодежи в сохранении демократического потенциала общества // Вестник АГТУ. 2014. № 2 (58). С. 110–113.

10. Савин Л. В. Введение в кибергеополитику // Геополитика. 2013. № 22. С. 5–21.

11. Савин Л. В. Экстерриториальность и динамика геополитических полюсов [Электронный ресурс] // Левиафан: Гегемония и многополярность (вып. 4) / под. ред. А. Г. Дугина; ред.-сост. Л. В. Савин. М.: Евразийское Движение, 2012. С. 61–68. URL: http://www.geopolitica.ru/sites/default/files/leviathan-4_0.pdf#page=61 (дата обращения: 10.12.2018).

12. Слюсарев В. В. Трансформация представлений о феномене асоциальности // XX Ломоносовские чтения: материалы Всероссийской научной конференции / науч. ред. И. В. Кузнецова, С. В. Напалков. Коряжма: Успешная, 2018. С. 39–41.

13. Хусяинов Т. М. «Независимый» квартал Христиания в Копенгагене: история и современное состояние // Урбанистика. 2014. № 4. С. 8–20.

14. Южанинова Е. Р. Интернет как новое пространство самореализации молодежи [Электронный ресурс] // Вестник ОГУ. 2013. № 7 (156). С. 82–89. URL: http://vestnik.osu.ru/2013_7/13.pdf (дата обращения: 11.12.2018).

15. Bauman S. Europe of strangers [Электронный ресурс] // Transnational Communities Programme. URL: <http://www.transcomm.ox.ac.uk/working%20papers/bauman.pdf> (дата обращения 12.03.2018).

16. Første del – historie [Электронный ресурс] // Elleores Hjemmeside. URL: <https://www.elleore.dk/> (дата обращения: 10.12.2018).

17. MicroCon [Электронный ресурс] // Official site of Republic of Molossia. URL: <http://www.molossia.org/microcon/index.html> (дата обращения: 08.12.2018).

18. Montevideo Convention [Электронный ресурс] // Wikisource.org. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Montevideo_Convention (дата обращения: 10.12.2018).

19. Rasmussen P. R. What is micronationalism? An introduction [Электронный ресурс] // Scholias.org. URL: <http://scholias.org/nations/whatismicronationalism.html> (дата обращения: 01.03.2018).

1.3. Образ будущего российской семьи в условиях современных глобальных вызовов²

В последние годы в социально-политический дискурс прочно вошли понятия – глобализация, глобальные проблемы, глобальные вызовы [14; 22]. Критериями выделения глобальных проблем являются следующие: их повсеместное распространение затрагивает человечество в целом; не разрешение данных проблем может привести к серьезным угрозам и даже гибели человечества в современном его виде; разрешить их возможно только совместными усилиями, т.е. они не могут быть принципиально и тем более полностью разрешены в рамках отдельного государства или региона мира. Глобальные проблемы сводятся к трем основным: уничтожение человечества в мировой термоядерной войне; всемирная экологическая катастрофа; духовно-нравственный кризис человечества. Помимо этих трех масштабных явлений называются также более конкретные, так называемые, глобальные вызовы, среди которых – экономическое неравенство населения, бедность, демографические и миграционные проблемы, этно-религиозные конфликты, терроризм и др. [18].

Глобализация рисков и рост социальной напряженности обуславливают растущую потребность в межличностном и межгрупповом диалоге о совместном прошлом и будущем, способах согласования различных групповых образов «коллективной судьбы». Согласованность представлений членов группы о будущем становится все более важным условием её интеграции. В рамках социологии и социальной психологии риска коллективные представления о будущем рассматриваются с точки зрения способности современного общества

² Работа выполнена в рамках реализации Гранта РФФ № 18-18-00439

к рефлексии и предотвращению порождаемых им социальных рисков (Н. Луманн, Э. Гидденс, О.Н. Яницкий и другие). Получает признание тот факт, что прогнозирование рисков и оценка их вероятности опираются не только на личные и групповые интересы, но и на социокультурные механизмы, конструирующие массовые страхи (У. Бек). Образ будущего – коллективные надежды и страхи – определяется групповыми ценностями (М. Дуглас, А. Вилдавски) [цит. по 17]. Глобальные риски рассматриваются также как социально-психологический феномен, именно в этом смысле речь может идти не столько об объективных угрозах, сколько об образе будущего, самосбывающихся или самоотменяющихся пророчествах, влияющих на развитие событий как в настоящем, так и в перспективе. На отношение личности и группы к глобальным рискам влияют психологические механизмы различного уровня: внутриличностные, межличностные, групповые, межгрупповые, организационные, механизмы, действующие на уровне общества в целом [16].

Образ будущего семьи и вызовы, стоящие перед нею, на данном этапе развития этого направления исследований рассматриваются в соответствии с теми проблемами, которые уже стоят перед семьей, и образ будущего строится, исходя из возможных сценариев их решения [26].

International Futures Programme (IFP) начала свой проект «Семья к 2030» в декабре 2009. Его цель состояла в том, чтобы определить и исследовать тенденции в структурах домашнего хозяйства и семьи за следующие два десятилетия и изучить последствия этих тенденций для ключевых областей политики. Это было по своей природе новаторским проектом, так как исследований про будущее семьи в тот период практически не проводилось. Результаты исследования свидетельствуют, что семейный «пейзаж» в странах-участниках проекта к 2030 году изменится довольно значительно. Миграция, технологическое развитие, экономические показатели и структура занятости характеризуются высокой степенью неопределенности. И совместное воздействие этих демографических, экономических, социальных

и технологических тенденций на семьи будет таково, что далеко идущие изменения будут требоваться от всех стратегических областей, важных для семьи, от социальной пособий и образования до изменений структуры жилья и занятости.

Подчеркивается, что современная семья переживает глубокий кризис, связанный с изменением семейных ценностей, неравенством семьи, подвергающим ее к дискриминации, а также с общей трансформацией семьи [11]. Следует отметить разделение исследователей на два лагеря [3]. Первые, сторонники кризиса семьи, считают, что трансформация семьи несет в себе помимо вышеуказанных и множество других негативных факторов: снижение рождаемости, дисфункциональность семей, рост разводов, «гражданских браков», внебрачных детей и родителей одиночек, отказ от рождения детей вообще, участвовавшие случаи насилия по отношению к пожилым людям и детям. Вторые, сторонники модернизации семьи, видят в её трансформации положительные стороны: улучшение условий проживания, адаптивность и мобильность семьи, переход от традиционной семьи к эгалитарной (отношения между супругами строятся как отношения партнерства и равенства), переход от нерегулируемой рождаемости к планированию семьи, т.е. сознательному родительство и выбору числа детей и др. [12]. Негативные последствия для семьи эти ученые рассматривают как временные, связанные с адаптацией к социально-экономическим условиям жизни общества.

К важнейшим проблемам будущего семьи проблемам также относятся вопросы гендерной стратификации, гендерного распределения ролей и гендерного неравенства в связи с ломкой традиционной семейной структуры в русле общемировых (глобальных) тенденций [4; 5]. В русле глобальной проблемы духовно-нравственного кризиса изучаются связи между ценностными ориентациями и их изменениями и перспективами семьи. Эти работы ведутся на молодежной выборке, как наиболее релевантной и проблематике, и изучению семейной перспективы. Так, показана трансформация семейных ценностей молодежи в контексте изменения общей ценностной системы [7].

Рассматриваются проблемы дефицита правосознания как результата депривационного воспитания как социокультурной проблемы [21]. Показана связь устойчивости развития семьи как первоячейки общества в ее взаимосвязи с окружающей социально-природной средой [9].

Особенно важно изучение будущего российской семьи в рамках демографической проблемы, остро стоящей перед всеми странами западной цивилизации. Приводятся данные, согласно которым 4,5-5 млн. человек в России, то есть 15-20 % населения репродуктивного возраста (15-49 лет) не способны зачать ребенка без медицинской помощи. Депопуляция и процессы демографического старения на рубеже XX-XXI веков потребовали особого внимания к новым источникам повышения рождаемости, в этой связи большую роль будут играть вспомогательные репродуктивные технологии. Расчеты специалистов показывают, что включение таких технологий в государственную политику может оказаться рентабельнее, чем другие меры улучшения демографической ситуации (например, повышение детских пособий и др.) [24]. Использование новых биомедицинских технологий родовспоможения поднимает ряд этических, юридических и психологических вопросов. Дискурс в СМИ относительно этой проблемы свидетельствует о преобладании консервативных представлений о семье, в которых суррогатные матери и доноры яйцеклеток максимально исключаются из семейных отношений, а появление новых технологий не меняет образа «нормальной» семьи [13].

Обсуждаются новые формы родительства и их влияние на трансформацию семьи, возникновение и укоренение семьи нового типа [2]. Интерес исследователей обращается и к осмыслению межпоколенных отношений в условиях современной глобализации [26], и к феномену «чайлдфри», логически связанному с вышеназванными проблемами [8].

Демографические процессы представляются исследователями по вполне понятным социальным и экономическим причинам как основные проблемы, стоящие одновременно и перед государством, и перед семьей. Показана специфика этих проблем для различных регионов,

и отсутствие современных механизмов решения вопросов убывания населения, что связывается с неустойчивостью его брачности [6].

Выделены социальные факторы, способствующие и препятствующие реализации государственных программ по стимулированию рождаемости, строится историческая перспектива семьи в контексте новой демографической ситуации [19; 20]. Предлагаются и теоретическое осмысление в форме социологического и философского анализа причин социальных рисков, стоящих перед семьей [1], а также обосновывается соответствие модернизации института семьи общему эволюционному характеру социальных изменения последних лет [10].

Необходимо отметить, что изучение индивидуального образа собственной будущей семьи является проблемой, к которой традиционно обращаются исследователи. Выделены различия в образе своей будущей семьи у детей-сирот и детей из полных семей, для первых значимыми чертами являются совместность деятельности и интересов, для вторых – автономность и социальная активность членов семьи [15]. Дети из неполных семей отмечают такие черты взаимоотношений супругов как конфликтность, в меньшей степени воспринимают членов семьи как единое целое и не готовы к компромиссам и реалистичному восприятию будущего партнера [23].

Научной задачей, на которую могут быть направлены будущие исследования, является описание и анализ содержания и психологических факторов (личностных, групповых) формирования социальных представлений о глобальных вызовах и образе будущего семьи как сферы жизни общества. Под социальными представлениями о будущем понимается «совокупность представлений о будущих процессах, разделяемых членами социальной группы и конструируемых ими в межличностном дискурсе» [17, с. 2].

Важно уточнить и, возможно, расширить знание о глобальных рисках для семьи и её будущего, установить различия между признанными глобальными рисками (экология, ядерная угроза, духовно-нравственный кризис), а также их более частными проявлениями

(экономическое неравенство населения, бедность, демографические и миграционные проблемы, этно-религиозные конфликты, терроризм) и социальными представлениями о вызовах самих членов семьи (субъектов различных социальных групп), воспринимаемых ими и формирующими в итоге социальное самоощущение и поведение. Возможно описание образа будущего российской семьи как интегрированного содержания, объединяющего *цели, ожидания, страхи, идеалы*, а также ресурс противодействия и активного совладания с предполагаемыми вызовами.

Цели объединяют и корректируют усилия группы в ходе совместной деятельности. *Ожидания* представляют собой представления о значимых событиях будущего, на которые не всегда возможно влиять, но можно учитывать в своем поведении. *Страхи* – это представления об угрозах для индивидуального и коллективного благополучия. *Идеалы* отражают недостижимую, но желаемую перспективу [17, с. 3].

Таким образом, социальные представления о будущем семьи могут показывать вектор развития этого социального института, который на данный момент существует в общественном или групповом сознании, а также демонстрировать ожидаемые позитивные, идеальные сценарии семейной жизни и опасности, с которыми ей предстоит столкнуться.

Такая основополагающая сфера общества, как семья, – жизненно необходимая основа существования социума и его отдельных социальных институтов, в частности, государства. В связи с этим, точность прогноза относительно будущего семьи является основой прогнозирования благополучия общества в целом. Структура группового отношения к будущему содержит *аффективный* (значимость будущего, общую оценку будущего, оценку процессов и явлений, влияющих на будущее, оценку усилий группы по реализации своих целей), *когнитивный* (представления о будущем, о процессах и явлениях, которые на него влияют, о влиянии будущего на группу, о предсказуемости будущего, о его управляемости) и *поведенческий* (готовность

группы к реализации образа будущего, готовность обсуждать образ будущего, групповые предпочтения способов прогнозирования будущего, предпочитаемые способы воздействия на будущее) компоненты [17, с. 3].

Таким образом, перспективным представляется изучение аффективного, когнитивного и поведенческого компонентов представлений о будущем российской семьи, которые позволили бы выявить: во-первых, содержание представлений о будущем российской семьи, а также о влиянии различных феноменов на это будущее как уже в настоящем, так и в будущем; во-вторых, отношение к образу будущего российской семьи и его значимость для общества и отдельных социальных групп; в-третьих, поведенческий потенциал по отношению к рефлексии и воплощению образа будущего российской семьи.

Представления о вызовах и образе будущего имеют функциональную нагрузку – *целеобразующую, консолидирующую, идентификационную, адаптационную и функцию защиты позитивной идентичности* и реализуются в конечном счете в предпочитаемом поведении в конкретной жизненной ситуации [17, с. 4].

Целеобразующая функция состоит в облегчении формулировки индивидуальных и коллективных целей, а также планирования совместной деятельности при наличии общих представлений о будущем. При наличии тех или иных представлений о будущем семьи члены общества с большей степенью вероятности будут стремиться реализовать предполагаемый сценарий ее развития.

Консолидирующая функция заключается в повышении сплоченности группы, чувством общности судьбы и взаимозависимости при достижении совместных целей. Таким образом, при наличии в обществе или отдельных социальных группах согласованного образа будущего семьи семейное поведение членов сообщества будет более эффективным.

Идентификационная функция проявляется в процессах категоризации и сравнения на основе имеющихся социальных представлений о будущем. Таким образом, возможно социальное деление и по-

следующее сравнение групп в зависимости от их социальных представлений о будущем семьи. Очевидно, что в современных условиях такое социальное деление с большой долей вероятности будет многовариантным. Возможно также, что наличие различных представлений о будущем семьи важны для выработки различных способов адаптации в разнообразных социальных условиях.

Адаптационная функция вытекает из всего вышесказанного. С одной стороны, образ будущего позволяет подготовиться к предстоящим трансформациям, с другой, – более разнообразные сценарии будущего, в том числе тревожные, увеличивают ресурс сопротивления возможным трудностям, заранее прорабатывая негативные варианты развития и подспудно подготавливая пути решения проблем. В отношении образа будущего семьи адаптационная функция может играть роль некоторого «накопителя» необходимого опыта, который можно актуализировать уже в настоящем.

Функция защиты позитивной идентичности проявляется в переносе нерешенных проблем в будущее и сохранение за счет этого положительной самооценки. Для образа будущего семьи это может проявляться в том, что в перспективе можно представить разрешение актуальных проблем настоящего – проблем отношений, финансов, воспитания детей, сохранив позитивное ощущение здесь и теперь в связи с невозможностью решить эти вопросы в настоящем по объективным причинам.

Таким образом, представляется, что именно создание и трансляция позитивного образа будущего российской семьи будет иметь значительный эффект для реализации многофункциональности социальных представлений.

Как процесс глобализации, так и глобальные вызовы могут влиять на психологию больших и малых социальных групп – наций, этносов, гражданского общества в целом, его отдельных социальных институтов (семья), что ставит задачу их изучения, а также практической психологической поддержки и коррекции. Изучение социально-психологических аспектов отношения к будущему в различных соци-

альных группах является одним из необходимых шагов для предотвращения рисков в обществе в целом и обеспечении его благополучия. Образ будущего Российской семьи является одним из маркеров, по которому возможно построение долгосрочной социальной перспективы. В связи с этим, актуальна работа по выделению номенклатуры таких вызовов, как с точки зрения угроз институту семьи и семье как малой социальной группе, так и с позиций возможных позитивных трансформаций семьи, усиливающих ее ресурс противодействия вызовам и угрозам, открывающих новые горизонты развития при сохранении основных сущностных семейных характеристик.

Представляется, что образ будущего Российской семьи определяется не только индивидуальным и групповым опытом субъектов или декларируемыми, зафиксированными в обществе актуальными семейными проблемами. Эффективный социальный прогноз о будущем семьи возможен и должен строиться с учётом как известных вызовов, так и динамики, многовариантности коллективного образа будущего, а также специфических функций и свойств социальных представлений (консолидирующей, адаптационной функциями, свойствами самоподтверждения и самоосуществления, и др.).

Исследование по изучению восприятия, переживания и осмысления будущего российской семьи представляется актуальным для развития социальной психологии прогнозирования, новой отрасли социальной психологии, нацеленной на исследование социальных феноменов прогнозирования, изученных недостаточно по сравнению с прогнозированием индивидуальным.

В заключении следует отметить, что современные непрерывные изменения на различных уровнях общественного существования, затрагивающие общество в целом, с наибольшей отчетливостью реализуются и влияют на его основные институты. Семья как один из таких важнейших институтов, поддерживающая интересы и общества, и индивида, связывающая и регулирующая их взаимодействия, непосредственно сталкивается с основными проявлениями социальных, политических и экономических трансформаций и является, по сути,

микросрезом общественных реакций, перспектив и ресурса социальной устойчивости и выживания. В связи с этим, изучение социально-психологических аспектов отношения к будущему в различных социальных группах является одним из необходимых шагов для предотвращения рисков в обществе в целом и обеспечении его благополучия. Образ будущего Российской семьи является одним из маркеров, по которому возможно построение долгосрочной социальной перспективы.

Список литературы

1. Алексеева Л. С. Российская семья в условиях социальных рисков // Социальная педагогика в России: научно-методический журнал. 2009. № 1. С. 80–86.
2. Андреева И. С. Новые формы родительства в глобальном мире: культурно-исторический аспект (аналитический обзор) // Реферативный журнал «Философия». 2013. № 4. С. 131–170.
3. Антонов А. И. Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве // Вестник Московского университета. Сер. Социология и политология. 2010. № 4. С. 134–150.
4. Байбурина Д. Г. Гендерные аспекты трансформации брачно-семейных отношений в современном обществе // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 2. С. 651–656.
5. Байбурина Д. Г. Гендерный подход при исследовании процесса трансформации модели семьи в эпоху глобализации // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С. 349–352.
6. Баскова Н. А. Особенности подходов к решению демографических задач в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 11. С. 60–71.
7. Башманова Е. Л. Социальная готовность регионального студенчества к семье, браку и родительству в призме трансформации ценностей современной молодежи // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 4 (40). С. 185–198.
8. Бичарова М. М., Морозова О. В. Движение «чайлдфри» как форма социально-политического протеста в демографических условиях современной России // Успехи современной науки и образования. 2016. № 8, Том 2. С. 147–153.

9. Бобер Ж. Развитие семьи как область маргинальных проявлений окружающих сред // Экономика, политика, культура. 2017. Вып. 2 (14). С. 102–114.
10. Бурова С. Н. Современная семья: крах или другая жизнь? // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2015. № 2. С. 4–15.
11. Гурджиян М. В. Кризис семьи в современной России и пути его преодоления // Общество: философия, история, культура. 2017. Вып. 1. С. 5–8.
12. Елисеева И. И., Клецин А. А. Городская семья в России: современные тенденции // Петербургская социология сегодня. 2010. Т. 1. С. 123–141.
13. Емельянова Т. П., Вопилова И. Е. Столкновение в СМИ позиций в отношении вспомогательных репродуктивных технологий [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1, № 2. С. 62–78.
14. Ковалева Ю. В., Журавлев А. Л. Современные глобальные вызовы и задачи глобальной психологии // Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное: монография / под науч. ред. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. С. 8–14.
15. Лукшина Э. А. Образ будущей семьи в сознании воспитанников интернатов и полноценных родительских семей // Национальный психологический журнал. 2011. № 1 (5). С. 37–38.
16. Нестик Т. А. Глобальные риски как психологический феномен // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1 (50). С. 24–38.
17. Нестик Т. А. Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 1–11.
18. Нижников С. А. Философия: курс лекций: учебное пособие для вузов. М.: Экзамен, 2006. 383 с.
19. Носкова А. В. Семья перед лицом вызовов глобализирующегося мира // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 147–149.
20. Носкова А. В. Социальные аспекты решения демографической проблемы низкой рождаемости // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 60–71.
21. Попова В. В. Кризис современной семьи с точки зрения права и психологии // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 94–98.
22. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007. 640 с.
23. Русак А. М., Северин А. В. Представление о своей будущей семье у подростков из неполных семей // Социокультурная среда и ее развитие в условиях глобализации современного общества: материалы V Международ-

ных социально-педагогических чтений им. Б. И. Лившица. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. С. 190–193.

24. Русанова Н. Е. Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы // Журнал исследований социальной политики. 2013. № 1. С. 69–86.

25. Шалаева С. Л. Трансформация межпоколенных отношений в условиях современной глобализации // Конфликтология. 2011. № 1. С. 129–137.

26. The Future of Families to 2030: International Future program // A scientist report. OECD. 2011. URL: http://www.zora.uzh.ch/id/eprint/67020/1/Future_Families_2030.pdf (дата обращения 20.02.2018).

1.4. Дилеммы профессиональной идентичности личности в современных социокультурных условиях

В современной реальности профессиональная проблематика приобретает особую актуальность, т.к. многоплановые структурные преобразования во всех областях жизнедеятельности обуславливаются неизбежными изменениями самого специалиста, его отношения к труду. Смена социально-экономических устоев привела к тому, что индивидуальная значимость личности возросла, а фактор трудовой неопределенности увеличился [21]. На сегодня рельефно проступают две диаметрально противоположные точки зрения. *Первая* связывает счастье и труд воедино, а в адрес глобальных изменений предъявляется множество обвинений, в частности, по размыванию таких понятий, как преданность профессии, призвание, коллективизм, наставничество и др., на них же списывается рост коррупции, безработицы, профнепригодности и маргинализации личности. Сторонники *другой* позиции усматривают причины всех насущных социальных и личных проблем в тирании работы, обезличивании человека как придатка функционально-трудовой машины. Однако ни одна из этих позиций не является бесспорной. Дело в другом. Как справедливо отмечает Д. И. Фельдштейн (2011), следует признать, что в последние годы произошел реальный переход человеческого сообщества в историче-

ски иное состояние с новыми ценностями, новыми перспективами и новым трендам развития. Современным обществом декларируется образ социально успешного, конкурентоспособного, достигшего карьерных вершин человека как наиболее приемлемый и желательный. Многие люди стараются соответствовать данному типу, чтобы быть востребованными в обществе. Вместе с тем, в рыночных условиях карьера, прежде всего, это – деятельность, которая позволяет человеку «продать» свои способности [9]. Упор сделан на способности человека не потеряться (а уж потом – реализоваться) на рынке труда в нынешних, достаточно жестких, конкурентных условиях. А продаются им, кроме всего прочего, квалификация, умения, срабатываемость, желание работать на определенном рабочем месте и выполнять обязанности, сформулированные работодателем (он же покупатель). Более того, человек сам проявляет большую активность в поиске работы.

По сравнению с предыдущими годами, это несколько иная ситуация, здесь уместны новые, в отличие от востребованных раньше линейных и свыше заданных шагов, действия. Рынок труда является достаточно сложным образованием. Мир профессий огромен, на спрос и предложение влияет множество факторов, которые очень трудно учесть, а тем более прогнозировать. Как показывают результаты проведенного нами исследования, вера в справедливый мир не является детерминантой трудовой активности человека в современных рыночных условиях, т.е. стихийно эта активность не формируется в полном объеме. Вероятно, труд как таковой, сам по себе, не является самостоятельной ценностью для молодого россиянина, нашего современника [19; 22].

По мысли Р. Зидер (1997), «постиндустриальное» общество благоприятствует раннему наступлению совершеннолетия, прежде всего, в области потребления, а также в социальных и сексуальных отношениях, и отсрочивает наступление экономической и профессиональной самостоятельности. Приходится констатировать, что в современных условиях количество выпускников вузов увеличивается, их влияние

возрастает, но количество не всегда соответствует качеству [3; 20; 21]. В связи с лавиной структурно-содержательных изменений общества расставляются и новые акценты в отношении специалиста к себе и миру. В строго организованном «сверху» прежнем обществе было востребовано, главным образом, умение целенаправленно, активно организовывать свою жизнь в соответствии с иерархией общественных требований и норм. Современный мир расширяет возможности специалистов для самоопределения. В нем постоянно создаются условия для развития на равноправных началах различных способов жизни в профессии [7]. Сегодня всё больше людей предпочитает работать не по специальности, повышается готовность человека в своей собственной жизни искать альтернативные формы её устройства, эволюционируют не просто формы трудовой самореализации, но и отношение к ним существенно трансформируется. Это усиливает интерес к проблеме выбора в профессиональной сфере жизненного пространства, к определению путей, «которые мы выбираем, и оценивания расстояний, которые мы способны пройти» [5, с. 32].

Профессиональная реальность имеет всеобъемлющий характер. Но, усложнение социальной среды не должно затмевать того обстоятельства, что после исторического отделения работы от семьи профессиональный труд вне дома все равно оказывает существенное влияние на семейную жизнь. Опыт, приобретаемый на работе, а также способ и степень восстановления сил работающих членов семьи существенно влияют на семейные будни [16]. Наряду с этим, глобальные изменения коснутся (и уже касаются) домашней среды, т.к. жизнедеятельность современной личности реализуется в специфической для человеческого общества насыщенной информационной среде, имеющей свои механизмы развития и функционирования. В процессе информатизации радикально изменяются роль и характер работы человека. В основе этого изменения – перемещение (в перспективе) миллионов рабочих мест из предприятий и учреждений в дома людей (так называемые, «электронные коттеджи»), что неиз-

бежно приведет к изменению содержания трудовой деятельности и домашнего быта в придачу.

Совершенно очевидно, глобальные социальные, политические, экономические и прочие изменения затрагивают в полном объеме и человека, и работу. Причем, их взаимосвязь остается весьма сильной. Все, на что человек способен, во что он верит, к чему он относится с любовью, а к чему с явной нетерпимостью, как он разрешает возникающие конфликты и пр., встречается и в наибольшей мере проявляется и продолжается на работе.

Таким образом, актуальность профессиональной проблематики в современных социокультурных условиях обусловлена:

- обновлением мироустройства, переходом к новым ценностям, новым перспективам и новым трендам развития;
- включенностью каждого человека в условия рыночных реалий;
- изменением самого специалиста и его отношения к себе и миру;
- объективацией различных способов жизни в профессии;
- изменением условий и содержания трудовой деятельности;
- всеобъемлющим характером работы.

Заметим, что словарное толкование понятия «работа» не является однозначным. Однако, опираясь на общепризнанное словоупотребление этого термина, проведем структурную реконструкцию самого феномена. Его составляют ряд элементов (как ответ на ключевые по поводу работы вопросы), представленных в табл. 1.

Таблица 1

Структурная композиция работы

Укрупненные структурные единицы	Основные вопросы	Структурные компоненты
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Организационная формализация	Где и когда?	Место и время
	На каком основании?	Трудовое соглашение

1	2	3
Функционал	По каким нормативам?	Права и обязанности
	Чем именно заниматься?	Дело (профессии, служба, занятие)
Человеческий фактор	С кем?	Другие люди (профессиональное сообщество)
	Кто будет работать?	Я (специалист, сотрудник)
Итог	Зачем?	Продукция (результат);
	За какое вознаграждение?	Заработок
	Что определяет?	Статус

Как видим, психологически ключевыми компонентами в структуре работы являются «Дело», «Другие» и «Я», в рамках которых обнаруживается контур профессиональной идентичности, проявляющийся в осознании себя специалистом (тружеником, сотрудником, «профи»), представителем определенного профессионального сообщества (коллектив, команда), определенная степень отождествления/дифференциации себя с профессией, делом. Профессиональная идентичность в этом контексте может быть определена как самореференция (т.е. сообщение себе самому) об уникальности функционального и экзистенциального «Я», личностных и профессиональных свойств в условиях принадлежности профессиональной реальности и активном включении в трудовую деятельность [18]. Именно она задает радиус профессионализма.

Достижение профессиональной идентичности предполагает высокую готовность смысловых и регуляторных основ поведения, осуществление профессионального самоопределения, приобретение опыта трудовой деятельности, интеграцию в профессиональное сообщество, формирование и рефлексия представления о себе как специалисте. Все это может быть выражено в двух составляющих: мотивационно-личностной и операционально-технологической.

Мотивационно-личностную составляющую можно охарактеризовать следующим образом:

- 1) ДЕЛЮцентрированная просоциальная направленность личности, потребность в профессиональной САМОреализации;
- 2) сознание общественной значимости трудовой деятельности;
- 3) положительное эмоциональное отношение к выбранной профессии во внешних и внутренних её аспектах;
- 4) уважение к специалистам избранного профиля, в том числе, уважение личного и чужого пространства и инициативы;
- 5) широкие (коммуникативные, эстетические, спортивные, информационные и пр.) интересы и профессиональные склонности как источники достижения жизненных целей, решения профессиональных задач и преодоления возникающих препятствий;
- 6) устойчивые профессиональные намерения, призвание;
- 7) здоровье и уверенность в своих силах;
- 8) готовность к принятию соответствующих функциональных прав и обязанностей, норм и правил;
- 9) готовность тратить силы и время на поприще профессионального служения.

В терминах личностных свойств это можно раскрыть, представив ответы на вопрос: «Что нужно специалисту для того, чтобы успешно работать?». Обобщенные ответы, полученные от выпускников разных московских вузов (n=129), свидетельствуют, что это:

- трудолюбие и гражданское мужество;
- самостоятельность, творчество и ответственность;
- конструктивное и последовательное решение рабочих проблем, выдержка;
- постоянное самосовершенствование и профессиональное развитие;
- умение планировать свое время и организованность;
- поддержка и расширение профессиональных контактов;
- доверие и уважение к коллегам по работе, склонность к компромиссам;

– требовательность к себе и результатам своего труда, упорство и настойчивость в достижении поставленной цели; терпеливость и оптимизм.

Операционально-технологическая составляющая может быть представлена, исходя из паспорта каждой специальности, утвержденной Министерством труда.

Очевидно, что не подкрепленную сознанием идею идентичности можно рассматривать бесконечно, если, к тому же, она не преломлена через личностные смыслы – она бессильна. Б. С. Братусь обозначает специфические функции смысловых образований. Во-первых, это – создание образа, эскиза будущего, перспективы развития личности. Во-вторых, любая деятельность может оцениваться и регулироваться со стороны её успешности в достижении тех или иных целей и со стороны её нравственной оценки. Воплощением этого являются личностные ценности [4]. Если обратиться к определению смысла, предложенному А. А. Брудным (1998), под которым он понимает такое отражение действительности в сознании, которое может изменить действительность, то возникают очевидные и бесспорные параллели со способами личностного и жизненного самоопределения и появляется возможность для переживания своей идентичности как неповторимости и уникальности бытия.

Человек может устанавливать сходство между элементами окружающего мира, обнаруживать тождественность, достигать идентичности благодаря «виртуозной способности различения» (по Н. О. Лосскому [13]), если существуют три необходимых и достаточных условия (соответствующих дифференциации сознания по А. А. Брудному [5]):

1) прецедентное условие – наличие абсолютно подобных или сходных, таких же элементов той же системы (собственно идентификация);

2) интердиктивное условие – наличие других, не таких же элементов, принадлежащих иной системе (собственно отчуждение);

3) юстициальное условие – наличие транслятора информации о существовании этих систем (возможность отличать одно от другого).

Профессия задает содержательные характеристики профидентичности, как бы обеспечивая «морфологию» профессиональной деятельности и профессиональной общности, структурируя, тем самым, «диапазон маневра в рамках выполняемой и осваиваемой деятельности» [15]. Реализация прецедентного, интердиктивного и юстициального условий становления профидентичности способствует формированию профессионально дифференцирующих признаков ещё в процессе профессиональной подготовки. Однако профессия, как исходное для становления профидентичности, не имеет таких выраженных естественных дифференцирующих признаков, как, например, пол для половой идентичности, этнос для этнической. В связи с этим повышается значимость внутренней работы по обнаружению этих признаков, а, с другой стороны, возрастает роль других людей, которые бы замечали эти признаки и признавали их.

Это выводит обсуждение на поиск критериев профессионализма. В предыдущие годы к ним относили показатели профпригодности и профессиональной готовности. В настоящее время на смену им пришло представление о профессиональной компетентности. Однако пригодность, готовность и компетентность соответствуют внешним формам проявления профессиональной активности, тогда как профидентичность – внутренней активности, проявляясь в личностной значимости профессии и работы для человека. Работа представляет собой объективированную часть социoproфессионального пространства; профпригодность, профготовность, профкомпетентность – формальные характеристики реальности, а профидентичность отражает неформальную, субъективную реальность [1]. В этом случае и профпригодность, и профготовность, и профкомпетентность выступают как производные той части профессиональной реальности, которая связана с результативностью специальной подготовки, определенной платой за выполняемую работу (непригодные, неготовые и некомпетентные либо быстро теряют работу, либо принадлежат к низкооплачиваемым профессиональным группам), с притязаниями на определенный (высокий/низкий) социальный статус. Профидентичность

связана с этими параметрами профессии косвенным образом, опосредованно, причем наибольшая связь профидентичности обнаруживается, по нашему мнению, с нравственными профессиональными ориентирами, выражающимися в ощущении ответственности и в переживании собственной профессиональной самоэффективности [20; 24], убежденности людей в возможности реализовать свой потенциал, интеллектуальные ресурсы в профессиональной деятельности [3; 19; 22].

Для западных теорий профессионального развития характерно обращение к понятию «Я-концепция», в структуре которой выделяется такая характеристика как ощущение человеком собственной эффективности и личной влиятельности, т. е. ощущение власти над окружающей действительностью, обеспечивающей психологическую стабильность человека. В данном случае обнаруживается упор на ощущении сильного «Я», на свои возможности, позволяющие осуществлять *контроль* над ситуациями и отношениями. Для отечественной психологии более характерно обсуждение профессионального развития в координатах *ответственности* за развитие профессиональных ситуаций и отношений, за свои профессиональные действия [11]. М. К. Мамардашвили относит это вообще к работе: «А что такое работа, любая действительная работа? Это самостоятельность, ответственность, риск и готовность за все платить. Работа вообще – взрослое дело» [14, с. 172]. На наш взгляд использование терминов «контроль» или «ответственность» не противоречит друг другу, т.к. они употребляются для определения меры включенности в профессиональную деятельность, но при этом контроль акцентирует внимание на внешней стороне активности в ситуации, тогда как ответственность подчеркивает степень внутренней включенности субъекта в профессиональную деятельность. С нашей точки зрения, применение термина «контроль» связано с обсуждением профессионального развития как построения карьеры, а использование термина «ответственность» (а также «профидентичность») более логично при обсуждении профессионального развития человека как субъекта труда [18].

Профессиональная идентичность имеет разные источники формирования. В качестве обобщенной детерминанты становления профессиональной идентичности можно назвать информационно насыщенную окружающую среду, из которой черпаются представления об объекте и субъекте труда, его целях и задачах, способах получения образования или приобретения необходимых навыков, о требованиях профессии к человеку и пр.

В процессе онтогенеза становление профессиональной идентичности проходит ряд этапов, соотносимых с этапами психического развития ребенка и исторического развития профидентичности в социогенезе. Полное изменение профессиональной идентичности возможно и даже достижимо для взрослого человека за относительно короткие интервалы времени при смене: Дела, Профессионального сообщества и Образа Я. Если изменяется только одна из составляющих, то возможно лишь частичное изменение профидентичности.

Ф. Йетс (1997), ссылаясь на классическое определение памяти, заключает, что искусная память состоит из мест и образов. В приложении к профидентичности место, удерживаемое в памяти, может быть указано как место профессионального служения (работа), а образы, удерживаемые в памяти, конструируют, предвосхищают образы профессиональной деятельности и образ себя в профессии. Образ профессии – это представление человека о выбранной профессии и его отношение к ней, он играет в профессиогенезе важную роль: можно утверждать, что человек «нашел свое место», когда он представляет, где и кем он будет работать, что от него требуется. В то же время формулировка планов у человека должна включать часть образа, поскольку то, что человек в состоянии выполнить данные планы, должно являться частью образа о самом себе. Следовательно, образы могут составлять часть плана.

Профессиональный жизненный план – это сложный образ, «конструкция» которого должна состоять, по Е. А. Климову (1996), из более или менее ясных знаний о разных обстоятельствах и сюжетах

профессионального бытия. В соответствие с этим возможна иерархия профидентичности (таблица 2).

Таблица 2

Иерархия профидентичности и её признаки

Тип и уровень профидентичности	Дело	Отношения	Образ Я
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
профидентичность невыраженная (нулевой уровень)	наличие дальней и ближней профессиональных целей, стремление понять свое дело, овладеть им в полном объеме, освоить все трудовые функции (профессиональный опыт =0)	определение структуры профессиональных отношений и поиск своего места в них (профессиональное общение =0)	соответствие человека и профессии устанавливается в модальности: хочу; характеристика самого субъекта деятельности – мечтающий
профидентичность выраженная, но пассивная (низкий уровень)	усвоение основных знаний, требований профессии к человеку, осознание своих возможностей, расширение представлений о выполнении данной деятельности, осуществление деятельности по образцу (профессиональный опыт > 0)	установление профессиональных контактов, вхождение в профессиональное сообщество (профессиональное общение >0)	соответствие человека и профессии устанавливается в модальности: знаю, характеристика самого субъекта деятельности – осведомленный
профидентичность выраженная, открытая (средний уровень)	практическая реализация выбранных профессиональных целей, самостоятельное и осознанное выполнение деятельности,	формирование определенного круга профессиональных контактов, интенсификация процесса профессиональ-	соответствие человека и профессии устанавливается в модальности: могу; характеристика самого

1	2	3	4
	формирование своего индивидуально-го стиля деятельности (профессиональный опыт = const)	ного общения (профессиональное общение = const)	субъекта деятельности – умелый
профессиональная идентичность устойчивая (высокий уровень)	свободное выполнение профессиональной деятельности, повышение уровня притязаний – поиск сложных профессиональных задач, профессиональное совершенствование, мастерство и творчество (профессиональный опыт $\rightarrow \infty$)	ощущение значимости профессиональных контактов, осознание своей профессиональной неповторимости, желание передавать свой опыт другим, делиться им (профессиональное общение $\rightarrow \infty$)	соответствие человека и профессии устанавливается в модальности: делаю; характеристика самого субъекта деятельности – творческий

Становление профидентичности в соотношении с профессиональным ростом неизбежно упирается в вопрос о карьере специалиста. В психологическом смысле понятия карьеры и профидентичности аналогичны по своей композиции, но их сходство заметно не сразу, и нуждается в обосновании. Основой и построения карьеры, и достижения профидентичности, является «Я-концепция» личности как относительно целостное образование, постепенно изменяющееся по мере взросления человека.

Рассмотрение близости понятий карьеры и профидентичности осложнено рядом различий. Сила карьеры в её мобильности, связанной с занятостью, сила профидентичности – в подлинности, связанной с определенностью. Профидентичность ориентирована на мастерство, которое приходится признавать, карьера ориентирована на

власть, которую следует добиваться. Отправной точкой в психологическом анализе карьеры и профидентичности является самосознание, которое порождает систему представлений человека о себе как субъекте своей жизни и труда. В рамках Я-концепции формируется представление о профессиональном будущем в виде образа профессии или в виде конкретной профессиональной цели. Образ профессии реализуется через процессуальную активность человека, базирующуюся на чувстве ответственности (основа становления профидентичности), конкретная цель – через целевую активность, базирующуюся на контроле над ситуациями и отношениями (основа построения карьеры). Реализация карьеры обеспечивает человеку самоуважение в Деле (состоятельность), реализация профидентичности обеспечивает человеку самовыражение (Я = Я). Карьера является категорией мобильности человека, её основное содержание – продвижение, профессиональная идентичность является категорией подлинности человека, её основное содержание – самоуважение. Карьера имеет четко обозначенные временные границы, т.е. доподлинно известны её начало и конец, карьера неминуемо заканчивается. Профидентичность обеспечивает профессиональное долголетие человека. Относительно карьеры и профидентичности существенно различается и роль *Значимого Другого*. В первом случае он, как правило, оказывает внешнее воздействие, организует помощь и рассчитывает на эффективную отдачу, во втором случае его воздействие – глубинное, психотерапевтическое, он способствует возникновению веры в себя и свои силы, подтверждает признание мастерства. Таким образом, карьера – это совокупность всех ситуаций и возможностей профессионального и должностного продвижения, тогда как профессиональная идентичность – это совокупность всех ситуаций и возможностей свободного самовыражения и выбора способов и смысла профессионального мастерства. Совмещение этих двух направлений профессионального развития возможно, но является редким [18].

В процессуальном аспекте развитие профидентичности может быть рассмотрено через механизмы идентификации и отчуждения.

Профессиональная идентификация – это объективное и субъективное (т.е. данное в переживании) единство с профессиональной группой, делом, которое обуславливает преемственность профессиональных характеристик (норм, ролей и статусов) личности. Очевидно, что обратный процесс, связанный с объективным и субъективным отвержением этого единства и обособлением профессиональных характеристик личности, есть профессиональное отчуждение. В качестве исходного критерия в данном случае целесообразно выделить принятие человеком ответственности за нахождение смысла и реализацию ценностей. Профессиональная идентификация и профессиональное отчуждение без принятия ответственности являются вынужденными, а при принятии ответственности – произвольными.

Содержание каждого из механизмов, исходя из обозначенных структурных компонентов работы, будет включать следующие характеристики:

Профессиональное отчуждение

Дело. Причиной профессионального отчуждения без принятия ответственности может стать негативно оцениваемое свое дело. Человек начинает его демонстративно избегать, прибегая к различным способам в одежде, речи, манерах. Вынужденное профессиональное отчуждение является, по сути, синонимом функционального вакуума, где отчужденным является профессиональное будущее как таковое. Человек стремится освободиться от восприятия профессиональной информации (знаний); от необходимости совершать профессиональный выбор; от профессионально-обусловленных переживаний; от компонентов профессиональной деятельности.

Профессиональное отчуждение на основе принятия ответственности предполагает свободное владение профессиональной ролью, умение отстраняться от личного, концентрироваться на профессиональной ситуации, умение сознательно и адекватно использовать свой профессиональный опыт в личной жизни. Это случай, когда «личность овладевает ролью, использует ее в различных ситуациях» [2].

Отношения. Вынужденное профессиональное отчуждение имеет место при избегании причисления себя к низко оцениваемой профессиональной группе, проявляется в разнообразных формах вплоть до агрессивной враждебности. Без сомнения цепь когнитивных и мыслительных процессов имеет место лишь тогда, когда человек обнаруживает черты, несомненно, коррелирующие с чертами негативно оцениваемой группы и ее членами. Вынужденное профессиональное отчуждение осуществляется намеренно, когда люди пытаются скрыть свои диагностически информативные профессиональные черты.

Профессиональное отчуждение возможно при принятии ответственности как сознательный отход от профессиональной группы, дела, отдельного человека. Сознательное, произвольное отчуждение от других предполагает освобождение от вынужденного общения, необходимости постоянно находиться в формальном контакте, играть с другими в социальные игры; от внешних условий и условностей жизни; от ожиданий и оценок другими людьми, не совпадающими со своим представлением о себе; от манипуляций, попыток внедрения на территорию личностного пространства; от порабощения власть имущими. Потребность сознательного профессионального отчуждения от других остро переживают одаренные, творческие люди.

Образ Я. Вынужденное профессиональное самоотчуждение при непринятии ответственности является следствием неуспешной профессиональной идентификации. Человек прибегает к вынужденному профессиональному самоотчуждению, когда убежден, «что свободным он не нужен другим людям» [12]. Самоотчуждение на основе принятия ответственности – произвольное – выводит на особую психологическую и этическую категорию – самотрансценденцию, ориентирующую человеческое бытие на нечто большее и высшее, что не является им самим. Произвольное самоотчуждение включает в себя возможности преодоления личностного эгоизма (в пределе – это самопожертвование). Свободный, но ответственный человек (как правило талантливый и одаренный) транслирует другим свое свободолюбие, независимость, оригинальность мышления.

Профессиональная идентификация

Дело. Из всеобщей стандартизации рождается вынужденная идентификация, как средство ощутить себя, по крайней мере, «не хуже других». Профессиональная идентификация без принятия ответственности может включать подчеркнутую, возможно вычурную «целостность» со своим делом. Вне работы человек продолжает носить служебную одежду, использует профессиональный лексикон и особую терминологию, часто апеллирует к своим профессиональным примерам. Истинная профессиональная идентификация возможна при осознанной интеграции в профессиональную группу на основе единства целей и ценностей, на основе общезначимого творческого дела или просто сопереживания. Профессиональная идентификация на основе принятия ответственности включает в себя лично приемлемые профессиональные традиции, ценности и смыслы творческой деятельности, сотрудничество и сопереживания в коллективном труде, т.е. определяющими являются созидательные цели профессиональной деятельности.

Отношения. Профессиональная идентификация определяет социальное взаимодействие и специфические формы профессиональных интеракций. Эти формы тесно связаны с границами профессиональных групп (обсуждение значимых вопросов происходит преимущественно в пределах профессиональной группы). «Другой» возможен, он может быть осмыслен и принят сознательно. Профессиональная идентификация с другими может быть наполнена «реальным добром по отношению к другим людям» [15]. В данном случае речь идет о произвольной идентификации при принятии ответственности. Согласно теории Г. Тэджфела, люди борются за положительную социальную идентификацию, и при этом стремятся стать членами групп с более высоким статусом [25]. При непринятии ответственности это превращается в конформизм, стремление к уподоблению, неумение мыслить самостоятельно, нежелание задавать вопросы и искать истину, человек отдается «на милость» других. Малейшее отступление от привычного уклада жизни, необходимость принять профессиональ-

ное решение, недолгое одиночество – и человек теряет себя, стремится спастись от своей непрошенной свободы, снять с себя ответственность за свои профессиональные действия и предпочитает действовать по указке, трафаретно.

Образ Я. Произвольная самоидентификация свойственна человеку, самоактуализирующему свой идеал Человека-Мастера, свои творческие возможности, стремящемуся к самосовершенствованию личности в качестве субъекта профессиональной деятельности. Самоидентификация при принятии ответственности есть следствие достижения высших целей профессиональной деятельности. Профессиональная самоидентификация способствует формированию мотивационно-ценностного отношения к своей деятельности и устойчивого образа Я. Вынужденная самоидентификация при непринятии ответственности приводит к ограничению спонтанности. Это – ответ на угрозу себе. Кроме того, Э. Фромм выделяет вынужденную идентификацию на основе обладания собственностью, которая заменяет личности её внутренний мир, на основе достижения престижа [17]. По мнению философов, апелляция к преимуществам престижности связана с недостатком личностных качеств человека, которыми можно гордиться [23].

Таким образом, к механизмам развития профессиональной идентичности могут быть отнесены вынужденное или осознанное профессиональное отчуждение и вынужденная или осознанная профессиональная идентификация.

Свойства, которыми характеризуется образ функционального Я, могут быть представлены в системе координат: «личностная зрелость», «профессионализм». К *личностной зрелости* отнесем духовность, эмпатийность, открытость, мудрость, порядочность, сдержанность, терпеливость, благородство и пр. К *профессионализму* отнесем знания, умения, навыки, способности, интеллект, гибкость, технологичность, прагматичность, оперативность и пр. Специалист, у которого выражены и личностная зрелость, и профессионализм, – это мастер своего дела, ему хватает и душевности, и технологичности. Именно

эта совокупность свойств наилучшим образом характеризует профидентичность (форма – выраженная, открытая). Однако устойчивость профессиональной идентичности связана с ещё одним свойством человека – *стойкостью*, способностью преодолевать преграды, адекватно относиться к трудностям, не падать духом в сложных обстоятельствах, обладать мужеством.

Подводя краткий итог, отметим, что успешное осуществление профессионализации в аспекте «Человек – работа» и становление профидентичности как радиуса профессионализма имеет ряд особенностей:

- сам характер профессиональной деятельности ориентирован на положительный образ будущего и его предвосхищение;

- на рабочем месте глубина профессиональной осведомленности дополняется погружением в профессиональную деятельность;

- качество профессионального менталитета характеризуется способностью к улавливанию тонкой пластики пространства «Человек – Работа», возможностью его постижения посредством всей личности и ответом на это своим профессиональным самовыражением и трудовой деятельностью;

- достижение профидентичности как сопряжения адекватного, устойчивого образа Я, нравственных принципов и профессиональной компетентности, сопровождается устойчивостью в жизненных ситуациях, определенностью профессиональных позиций и эффективностью на рабочем месте [19; 20].

Список литературы

1. Акбиева З. С., Терновская О. П., Шнейдер Л. Б. Психология карьеры и профессионально-релевантного поведения специалиста. М.; Воронеж: Изд-во МПСИ: МОДЭК, 2008. 328 с.

2. Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.; Воронеж: Изд-во МПСИ: МОДЭК, 1996. 768 с.

3. Белобрыкина О. А. Профессия психолога в свете проблемы гуманизации образования // Развитие человека в современном мире: материалы Всерос.

науч.-практ. конф. / под ред. О. А. Белобрыкиной, О. А. Шамшиковой. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006. С. 195–201.

4. Братусь Б. С. Психология нравственного сознания в контексте культуры. М.: Менеджер, 1994. 60 с.

5. Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998. 201 с.

6. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М.: ВЛАДОС, 1997. 302 с.

7. Золотова Н. П. Социологические проблемы моделирования профессиональной карьеры специалиста в условиях становления рынка труда: дис. ... канд. социол. наук. Одесса, 1997. 174 с.

8. Йетс Ф. Искусство памяти. СПб.: Университетская Книга, 1997. 480 с.

9. Квинн В. Прикладная психология. СПб.: Питер, 2000. 560 с.

10. Климов Е. А. Психология профессионала. М.; Воронеж: Институт практической психологии: МОДЭК, 1996. 400 с.

11. Кондаков И. М., Сухарев А. В. Методологические основания зарубежных теорий профессионального развития // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 158–164.

12. Кузьмина Е. И. Психология свободы: теория и практика. СПб.: Питер, 2007. 490 с.

13. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Академический проект, 2011. 560 с.

14. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс: Культура, 1992. 416 с.

15. Пряжников Н. С. Психологический смысл труда. М.; Воронеж: Институт практической психологии: МОДЭК, 1997. 352 с.

16. Фельдштейн Д. И. Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования. М.; Воронеж: МПСИ: МОДЭК, 2011. 16 с.

17. Фромм Э. Человек для себя. Минск: Коллегиум, 1992. 254 с.

18. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: опыт теоретико-экспериментального исследования: монография. М.: МПГУ, 2005. 334 с.

19. Шнейдер Л. Б. Психологические особенности исполнительской деятельности в трудовых отношениях // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии. 2009. № 1 (10). С. 188–201.

20. Шнейдер Л. Б. Профессиональная нравственность практического психолога как сопряжение качеств, ценностей и устремлений // Актуальные про-

блемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии. 2009. № 4 (13). С. 99–103.

21. Шнейдер Л. Б. Психологические барьеры профессиональных нововведений: причины и формы проявления // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии. 2011. № 3 (20). С. 26–34.

22. Шнейдер Л. Б. Вера в справедливый мир как основа трудовой субъектной активности человека // Выгорание и профессионализация: сб. науч. тр. / под ред. В. В. Лукьянова, А. Б. Леоновой, А. А. Обознова, А. С. Чернышева, Н. Е. Водопьяновой. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2013. С. 398–414.

23. Шопенгауэр А. Избранные произведения / сост., авт. вступ. ст. и примеч. И. С. Нарский. М.: Просвещение, 1992. 477 с.

24. Bandura A. Social-learning theory of identificatory processes / ed. D. A. Goslin. Handbook of Socialization theory and research. Chicago: Rand McNally, 1969. pp. 213–262.

25. Social identity and intergroup relations / ed. H. Tajfel. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982. 546 p.

Раздел 2

ДЕВИАНТНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

2.1. Зависимость как тоска человека по счастью

Человек многообразно связан с миром природы, культуры, отношений, с собственным внутренним миром.

Исходя из идеи счастья как способности человека быть сопричастным бытию, осмысливать свою сопричастность миру и переживать состояние этой сопричастности, получаем следующий тезис: чем шире спектр осознаваемых связей (отношений), тем потенциально счастливее и способнее к счастью человек. В этом тезисе есть и противоречие: с одной стороны, чем больше объектов сопричастности осознает и принимает человек, тем счастливее он может быть; с другой стороны, осознание объекта как значимого порождает отношение, т. е. связь; соответственно, чем больше связей, тем более человек «связан», несвободен. Зависимость и независимость тогда выступают полюсами континуума отношений человека.

Такие отношения человека, как деятельная (т.е. творческая) любовь к природе, культуре, людям создают возможности подлинного счастья [8; 9; 18; 25]. Ведь субъект таких отношений, по сути, «присвоил» весь мир, обладает миром во всей его полноте и открывает всё новые грани обладания через любовь и творчество.

Важна ли при этом ценностно-смысловая направленность отношений, т.е. то, с чем, собственно, эта связь осуществляется? Снижение планки благополучного бытия современного человека (ориентация на успех, здоровье, карьерное продвижение и пр.) определило совокупность этих ценностей-целей. Современный человек чаще стремится к богатству, здоровью, удовлетворению потребностей, успеху, чем к истине, благочестию и т.д. Стремление к этим ценностям замы-

кает человека в границах собственной личности, закрывая или резко ограничивая его способность быть подлинно счастливым.

Такие связи (пусть и навязываемые социумом, но принимаемые самим человеком «как бы» добровольно) имеют часто характер зависимостей (несвободных, вынужденных связей, подчиняющих себе человека и зачастую опустошающих его) [6; 13; 14]. Зависимость – специфический конформный вариант отношений человека к миру и самому себе. Если вникнуть в само слово «отношение», откроется его смысл буквального «отнесения» чего-то куда-то. Отношение можно трактовать как способ что-либо нести (ср. «приношение» – нести чему-либо, кому-либо, «отношение» – от (себя) нести). В самом слове содержится смысл «отдания» части себя самому объекту отношения. Как возможно это «отдание»? В каких формах и что именно отдаёт человек, реализуя отношения? На наш взгляд, он отдаёт часть психической энергии в формах думания, размышления об объекте отношения, в форме связанных с этим объектом переживаний, эмоций. Эти формы связывают человека с объектом, но могут непосредственно материальным образом не проявляться.

Явленное миру отношение человека к объекту реализуется в действиях с этим объектом. То есть «отдание себя» или отношение предстает как направление психики и деятельности на объект, осуществляемое во времени и пространстве и связанное, соответственно, со структурированием последних. Представим модель отношения как распределение (психической) энергии во времени и пространстве. Специфика зависимости как формы отношения состоит в наличии/отсутствии вопроса «Для чего?».

Как уже было отмечено, необходимое для жизни «количество» счастья человек, так или иначе, «доберет». Если так и «не доберет», будет искать новые источники – в мире (путешествия, бродяжничество, уход в Интернет, смена страны, семьи, окружения и др.), в себе (самокопание, самопознание, самообразование, самоосуществление и др.), либо останется недостаточно счастливым. Конкретизируем, как именно счастья можно «добрать».

Счастье как состояние переживается человеком как полная сопричастность миру, либо наиболее значимому объекту этого мира. Счастье в интересной работе, т.е. переживание полной включенности в Дело, это, по сути, переживание Творца, созидающего мир. Счастье любви, т.е. переживание высокой степени включенности в Другого человека (других людей) [17; 19; 23; 25]. Включаясь в дело, жизнь другого человек, сам человек не «растворяется», а открывает границы собственного «Я». Он выходит за эти границы, расширяя их, объединяясь с другими людьми, постигая их мир, т.е. «умножает» собственную психику.

Явно сходные индикаторы «счастья – состояния» можно обнаружить в описаниях переживаний:

- любящих;
- творящих;
- «сливающихся» с природой (лежа на траве, глядя на море, и др.);
- «сливающихся» с культурой (слушая, глядя, внимая) [9].

Во всех случаях имеет место измененное состояние сознания и самосознания, психики в целом. Человек ощущает себя ЧАСТЬЮ чего-либо, испытывает необыкновенный прилив сил, ощущает «крылья за спиной», переживает вдохновение, восторг, всемогущество и т.п. Воодушевление, познание и движение сливаются воедино. Такое измененное состояние сознания часто вызывает потребность человека творить, т.е. по сути своей это состояние – настройка на творение. Сам процесс деятельности (творчество) вновь порождает измененное состояние сознания (возникают высшие практические чувства), что, в свою очередь, «продвигает» деятельность, одновременно развивая человека в ней [11].

«Добирая» счастья, человек может связать цепочку «измененное состояние сознание – переживание счастья». Изменить состояние сознания можно, как уже показано:

- осмысленным творческим трудом;
- любовью;
- «сливанием» с природой и/или культурой.

Отметим, что всем этим вариантам может предшествовать и/или сопутствовать формализованная или неформализованная молитва (обращение ко всему миру, к надмирному, надчеловеческому, медитация и т.п.). Также изменить состояние сознания можно наркотическими веществами, алкоголем, виртуальным пространством и другими аддиктивными способами. [3; 4; 6; 12; 16; 21; 24].

Обратим внимание на «опасный» аспект. Состояние после употребления психоактивных веществ (ПАВ) часто описывается употребляющими людьми как переживание легкости, (беспричинной) радости, любви к миру, желания творить, что-то делать. Слово «опасный» взято в кавычки лишь потому, что это состояние аналогично переживаемому в тех случаях, когда сознание изменяется под воздействием, например, молитвы, длительной концентрации, созерцания, ритуального поведения и др. Таким образом, само по себе измененное состояние сознания и порождаемое им эйфорическое переживание является лишь некой возможностью, причем получивший эту возможность субъект далее демонстрирует либо просоциальное, либо антисоциальное поведение (либо фиксируется исключительно на получении этого переживания) [6; 20].

Правомерны вопросы: а **для чего** нужно изменение состояния сознания? В каких ситуациях человек нуждается (и чувствует потребность) в изменении сознания? Примечательно, что в опыте человечества содержатся сведения о таких ситуациях. Назовем некоторые из них, сразу обозначив родство: измененное состояние сознания нужно было человеку обязательно «**ДЛЯ**» чего-то, выходящего за пределы личности, её индивидуальных потребностей. Сохранение в опыте человечества и передача из поколения в поколение знаний о способах изменения состояния сознания свидетельствует о двух вещах.

Во-первых, о значимости этих знаний для жизни (выживания, развития) человеческого общества.

Во-вторых, о значимости самого феномена изменения состояния сознания для общего человеческого бытия.

Конопля и мухоморы, кофе и опиум, вино и меды, табак и бетель, ладан и фимиам, а также медитация, молитва, пост, ритуальные позы, танцы, пение и др. (список значителен) были средствами изменения сознания и общего состояния человека ДЛЯ труда/творчества либо исцеления. Отметим, что все названные средства в разное время отчетливо позиционировались именно как ЛЕКАРСТВА, т.е. средства ИСЦЕЛЕНИЯ человека. Необходимо остановиться на этом специально. В процессе труда (напряженного, «включенного») человек тратит энергию, становится «не целым». Отсюда понятна идея исцеления, во-целения человека. Разумеется, данное утверждение не имеет никакого отношения к пропаганде алкоголя, наркотиков и др. Употребление всех этих средств строго регламентировалось, подчеркивались особенности количества, ситуации, а главное – предназначения употребляемого (ср. общераспространенные выражения «на здоровье», «с устатку», т.е. опять же ДЛЯ восстановления сил).

В измененное состояние сознания намеренно входили:

– Провидцы – жрецы, шаманы, волхвы, святые. Для чего: провидение будущего, судьбы, принятие важных решений, связанных с жизнью рода, народа, страны. Способы изменения состояния сознания: молитва, медитация, ритмически организованные ритуальные движения (пляс, транс), вдыхание психоактивных веществ. Способы использовались как комплексно, так и по отдельности.

– Воины перед битвами для активизации боевого духа. Способы изменения: ритуальное пение, движение, молитва, вдыхание и иное употребление психоактивных веществ (например, ношение конопляных рубах, употребление пищи и напитков, содержащих каннабис, мухоморы и др.).

– Люди перед значимыми для всего данного сообщества делами для содействия миропорядку (позвать Солнце, встретить весну, спасти посевы от молнии, перейти через Альпы и др.).

Коллективное изменение состояния (коллективного же) сознания и психики в целом включено в качестве важнейшего компонента во все обряды календарного и окказионального круга. Абстрагируясь

от конкретного содержания обрядов, подчеркнем их общий смысл: содействовать установлению (восстановлению, упрочению) миропорядка, т.е. сотворить (пересотворить) мир. Таким образом, изменение состояния сознания сохраняется в социокультурном опыте человечества как архетип способа творения/воссоздания мира.

Итак, человек испытывает потребность в изменении состояния сознания ДЛЯ чего-то. Зафиксируем этот предлог в качестве обладающего особым психологическим смыслом. Делание «ДЛЯ» существенно отличается от делания «ПОТОМУ, ЧТО». Забегая несколько вперед последовательности обсуждения проблемы – осмысленное переформулирование вопросов «почему?», «ах, зачем?», «за что?» в вопрос «для чего?», может изменить для человека многие реалии, содействовать в итоге развитию его способности счастья³.

Представим ситуацию, положим, с наркоманом. Чаще всего представители ближайшего круга высказывают негативные оценочные суждения типа «Кошмар!», «Это ужас какой-то!», проективные умозаключения того же плана «Если будешь..., то....», интердикции типа «Не смей!», обещания кары и т.п. Если звучат вопросы, то они чаще связаны с поиском причин в прошлом: «Чего тебе не хватает (не хватало)?», «Кто тебя научил?», «Зачем ты это делаешь?». Логика задающего вопросы – это логика жесткого детерминизма прямого типа: причину нынешнего явления надо искать в прошлом. Как гласит народная мудрость, «Кто ищет, тот всегда найдёт». Очевидно, что в любом прошлом любого человека можно найти травмирующие обстоятельства, придать им статус детерминанты и связать с настоящим. Это выглядит логичным, но вызывает серьезные вопросы нравственного плана. В такой логике человек – это только его прошлое, он всю жизнь исправляет ошибки или пожинает плоды. Безусловно, в значительной степени человек – это его прошлый опыт. Но не ви-

³ Эта схема, как и любая другая, работает только для того, кто в нее верит; т. е. для людей, которые действительно владеют русским языком, а не просто им пользуются. Т.е. кому-то может и подойти, скажем, в лечении наркомании или алкоголизма.

деть не менее значительной порции БУДУЩЕГО – значит видеть только часть человека.

Отметим, что первый серьезный риск употребления психоактивных веществ возникает, как правило, в подростковом возрасте [4; 6; 12; 14; 16]. В соответствии с психологическим смыслом возраста в этот период человек остро переживает смысловые проблемы, пытается задаваться вопросами о смысле жизни, собственном предназначении, судьбе, т.е. по сути вопросами «ДЛЯ...чего, кого» [7; 12; 20]. Подросток нуждается в принадлежности к ДЕЛУ, в сотворении мира. Но ему, как правило, продуктивный вопрос «ДЛЯ» подменяют вопросами «зачем?», «почему?» и готовыми ответами [1; 2; 13; 20]. А вопрошание про будущее, или вопрос-проект, вопрос-гипотеза – это вопрос «ДЛЯ ЧЕГО?»

Несмотря на то, что сегодня этот вопрос в обыденном сознании синонимичен вопросу «Почему?», он имеет собственное содержание. Сравним. Современный вопрос «ДЛЯ ЧЕГО?» В традиционной культуре звучал как «ПО ЧТО?» или «чего ради»? Или позднее «пошто»? «По» – фиксирует нюанс смыслового движения в соответствии (по-вдоль, по-перек) с чем-либо. В английском языке вопросы «Почему» и «Для чего» – соответственно why? и what for? Второй буквально «Чего ради? Чего для?». В немецком, соответственно, «Warum?» и «wofür?» тоже существенно различны. Во французском, испанском, итальянском находим ту же конструкцию (в приближенной русской транскрипции «пор ке», «пур куа», «пер ке»). Очевидно родство с русским вопросом «по что», т.е., если попытаться эксплицировать смысл вопроса – «Для, ради следования какой дорогой? Для какого будущего?». Задающийся вопросом «По что?» пытается найти ответ не в прошлом, а в будущем, определяя, какому объекту он будет РАДЕТЬ. ИЛИ – ЧЕГО РАДИ его нынешнее действие, выбор, активность. Таким образом, вопросы «Для чего?», «По что?» («пошто?»), «Чего ради?» задают человеку систему будущих связей со значимыми объектами, определяют перспективы его жизни.

Вернемся к ситуации с наркоманом. Итак, человек принимает психоактивные вещества (ПАВ), вызывающие изменения в состоянии психики. Если абстрагироваться от имеющихся в массовом сознании негативных ассоциаций, основательно (в смысле – небезосновательно) связанных с понятием наркомании, можно предположить: данный человек реализует архетип способа творения/воссоздания мира в части использования **одного** элемента – преднастройки. Существует масса примеров (и исторических, и литературных), когда субъект применял этот способ **ДЛЯ** творения/воссоздания мира. Даже если не обращаться к традиционной культуре, можно увидеть: значительное число творцов и воинов (т.е. людей, напрямую реализующих творение/воссоздание) известно своими соответствующими пристрастиями. Заранее необходимо оговориться: нет четкой однозначной связи между фактом употребления психоактивных веществ и творчеством. Не обязательно употребляющий – творец, как необязательно и творцу употребление ПАВ. Но! Творчество, вообще дело, понимаемое человеком как **ДЕЛО ЖИЗНИ**, требует измененного состояния сознания, той самой «психоактивности», особой настройки, именуемой вдохновением [11]. Алкоголь и наркотики в этой логике – лишь варианты изменения состояния сознания, достижения этого вдохновения. Кто-то, как известно, для достижения этого состояния, вдыхал запах гнилых яблок, кто-то пил кофе в больших количествах, кто-то (например, иконописцы) готовили себя к Делу постом и молитвой. Во всех случаях механизм (физиологический) сходен: активность одних групп клеток подавляется, других – усиливается, формируется доминанта, блокируется восприятие посторонних раздражителей [6; 13].

Вернемся вновь к наркоману. Если принять за основание идею о том, что человек создан Богом по Образу и подобию Божьему (что, кстати, вовсе не противоречит многим продуктивным идеям эволюционной теории), то у него есть потребность творить/воссоздавать мир. Поскольку в систему действий творения/воссоздания необходимо входит преднастройка, изменение состояния сознания, человек естественным образом испытывает и эту потребность. Человек, бук-

важно «томимый» потребностью творить, создавать, употребляет ПАВ или медитирует, постится, молится. Чаще всего он получает соответствующий «ответ» в виде переживания «вдохновения», «ясности», «кайфа», «драйва», «легкости», «всемогущества», «радости», «счастья», т.е. того, что выступает маркерами измененного сознания. Принципиален вопрос о том, что происходит далее. А далее, как показывает человеческий опыт, человек может: (а) творить; (б) разрушать/восстанавливать. Формы творения при этом зависят от предыдущего опыта человека, зрелости его личности и существенно варьируются. Не рассматривая весь спектр возможных вариантов, отметим крайние точки этого спектра.

Творчество: в измененном состоянии сознания создание возвышенных и возвышающих образов (икон, оперы «Борис Годунов» и много другого); и, например, построение «по пьяной лавочке» отношений, о которых затем человек жалеет (*но ведь тоже «творчество»!*).

Разрушение/восстановление: битва за Отечество с врагами; и разбивание битой стеклом автомобилей.

С одной стороны, сопоставление крайних точек спектра может восприниматься как цинизм. Но, если вспомнить историю: в измененном (без применения ПАВ даже, а, например, общей медитацией или молитвой) состоянии сознания по-своему творили/воссоздавали мир не только воины Куликова поля, но и «Гитлерюгенд»...

Возникает закономерный вопрос: возможно ли творение/воссоздание БЕЗ изменения состояния сознания? Для получения ответа конкретизируем вопрос: Можно ли написать икону без подготовки в виде поста, молитвы, исповеди? Любой священнослужитель ответит отрицательно, что совершенно справедливо. Можно ли создать произведение искусства или осуществить прорыв в науке с «обычной температурой души», «холодным носом»? Также невозможно, точнее Пушкина не скажешь: «Без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви» дни будут «тянуться во мраке».

В литературе можно найти множество свидетельств потребности человека в изменении состояния сознания, свидетельств переживания измененного состояния как особенного, радостного: «опьянен любовью», «нас опьяняла весна», «опьяненный успехом», «от счастья пьян» и т.д. Здесь тоже принципиален вопрос о том, ДЛЯ чего человек использует это «опьянение». Можно, особенно далее не углубляясь в эту тему (отдельную и весьма интересную), предположить наличие двух стратегических линий поведения.

«Опьяненный», например, любовью, может ничего не делать, просто переживать это состояние [17; 25]. Это, заметим, весьма сложно. Как правило, опьяненность любовью побуждает человека к деланию, творению. Если все же человек ничего не делает в этом состоянии, то, при наступлении «похмелья» («опьянение» не может быть постоянным) неизбежно разочарование, поскольку преднастройка оказалась бесплодной в прямом и переносном смысле.

Вторая линия поведения – «опьяненный» любовью осуществляет акт творения (человека, текста, идеи, произведения и пр.), т.е. в результате деятельности, «преднастройкой» к которой было то самое «опьянение», рождается человек, теория, картина, роман. В любом случае, рождается мир или часть мира. Тогда «опьянение» продуктивно и плодотворно, поскольку принесло ощутимые плоды.

Вероятно, тот, кто реализует первую стратегию, далее вообще разочаруется в любви, т.е. не будет принимать её в качестве базовой ценности жизни («какА такА любовь?»), направляя отношение на другие объекты.

Во втором случае опьянение любовью выступает условием творчества человека. Примеры многочисленны. В некоторых случаях конкретный объект отношения постоянен (Петрарка – Лаура). Чаще он меняется, но «опьянение» любовью каждый раз плодотворно (Пушкин, Блок, Чехов, Маяковский, Гете и мн., мн. др.). Образ женщины – Музы, вдохновительницы, «опьянительницы» является одним из наиболее устойчивых в искусстве и жизни.

Вторая стратегия является доминирующей. Опыненный любовью действительно ощущает потребность творить/пересотворять мир. Доказательство тому – сохранившиеся и утраченные юношеские стихи множества людей. Как правило, они родились либо в результате опьяненности любовью, либо, например, опьяненности поисками смысла жизни. Стихи – наиболее частый, но всё же частный вариант способа творения мира. Общим для всех вариантов является наличие «сотворенного» (ребенка, текста...). Таким образом, каждый человек в этом состоянии имеет возможность стать творцом, но не каждый этой возможностью пользуется, это, во-первых. Во-вторых, очевиден широчайший «разброс» содержания, качества и уровня «творения». Гениальный и столь же трагический В. В. Маяковский обозначил этот разброс исключительно точно:

Любить -
это значит:
в глубь двора
вбежать
и до ночи грачьею,
блестя топором,
рубить дрова,
силой
своей
играючи.
Любить -
это с простынь,
бессонницей
рваных,
срываться,
ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Ивановны,
считая
своим
соперником.

Здесь очевидно глубоко религиозное понимание любви как Дара [19] – ДЛЯ, состояния «опьяненности» любовью как условия ДЛЯ творчества. Человеку с измененным состоянием сознания, «опьяненному» чувственно и символически открыт весь мир, он обладает миром во всей его полноте. Проблема в том, как он сумеет распорядиться этим Даром, т.е. какой мир он создаст. И если мир не создан, ревность обращена не к Копернику, а к мужу Марьи Ивановны, Дар уходит. Тогда человек вспоминает, что «вот по молодости стихи писал», сожалеет о том, что «мы перестали совершать безумства», «всё миновало, молодость прошла». По сути, он сожалеет о том, что его нынешнее состояние сознания обычно, заурядно. И испытывает потребность в возвращении в состояние опьянения, реализуя эту потребность, например, через употребление алкоголя, наркотиков и др. Часто даже без всякого повода: «просто так». Далее очевидная бесплодность преднастроек только усиливает и углубляет тяжесть психологического состояния человека, у него возникает ощущение потери смыслов и ориентиров.

Из этих рассуждений возникают следующие вопросы. Можно ли попытаться определить, кому «дозволено» изменять состояние сознания, а кому «не дозволено». И какими способами «дозволено»?

С точки зрения закона и морали, ПАВ – способ, частично дозволенный законом (18+, и др. ограничения), но осуждаемый моралью; пост и молитва (медитация) – частично дозволенный (в рамках признаваемых государством конфессий) законом и условно одобряемый моралью. Оба способа сопряжены с известным риском для здоровья: есть противопоказания, как к употреблению ПАВ, так и к посту, например.

Интересные сведения о «дозволенности» можно найти в традиционной культуре и истории [9]. Очень яркий пример – высказывание Михаила Светлова о некоем, с точки зрения первого, «среднем» поэте: «Не по таланту пьёт». По сути, М.Светлов здесь говорит о том, что пресловутое писательское (и вообще «богемное») употребление

ПАВ нужно в основном как условие творчества. А если таланта нет, то и пить незачем.

В традиционной народной культуре во множестве присловий, прибауток фиксируется именно мотивационный аспект употребления веществ, вызывающих изменение состояния сознания и психики в целом: «во здравие» (для восстановления здоровья), «с горя», «топить горе в вине» (для преодоления психической травмы, восстановления психики), «на помин души» (для восстановления связи с умершим), «на дорожку», «на посошок», «с устатку» и т.д. Отметим при этом, что варианты «на дорожку» и «на посошок» вполне могут быть рассмотрены в прямом, вероятно, первоначальном значении, когда ПАВ (напиток) частично буквально выливался «на дорожку», «на посошок». И это действие являлось частью нормативно-ритуальной практики, т.е. сам ПАВ (напиток) выступал в роли средства, объединяющего человека с миром (с дорогой, с посохом и пр.). Сравните выражение «первая рюмка колом, вторая соколом, прочие – мелкими пташками». Правомерно предположить, что изначально первая рюмка назначалась Колу (солнцу) и выливалась, выплескивалась ему во славу, как, например, и в дионисийских пиршествах. Вторая была предназначена «соколу», возможно, воеводе, а третья – остальным. Данное выражение в таком понимании тоже выявляет роль ПАВ (напитка) как средства объединения психики человека с миром, Солнцем как центральным объектом связи.

Еще раз подчеркнем: маркеры измененного состояния психики – ощущение сопричастности миру, могущества, любви, лёгкости, или, в народном традиционном именовании – ВЕСЕЛЬЯ. Столь частое упоминание именно этого слова в текстах традиционной культуры свидетельствует о его значимости. Веселье – это одновременно полёт и готовность творить, и самоощущение, самопереживание. Веселье – буквально «висеть» и «вЕсить», т.е. одновременно ощущать лёгкость

и основательность, избыток сил.⁴ «Веселие духа» в нашей традиционной культуре – неотъемлемое условие жизни, состояние готовности к творению [9]. Во множестве русских сказок, песен веселье выступает как желаемое состояние, как некое «идеальное» условие «ДЛЯ» – для осуществления значимой деятельности.

«Весел я, весел в сегодняшний вечер, что один остался с своей милой ладой...» (свадебная игровая песня);

«...составим слово к слову, возвеселим Русскую землю» («Повесть временных лет»?);

«Завьём венки зелёные, будем весь год весёлые» (обрядовая песня периода «Зелёных Святков»);

«...развесёлая беседушка со милым дружкой» (свадебная песня);

«...думать мне думушку со Иванушкой...Эта мне думушка всё весёлая» (свадебная песня);

«... на этом кургане весёлые пташки весело играют за веру свою» (историческая походная песня «По горам Карпатским»);

«что ты, молодец, невесел, буйну голову повесил?» (песни, сказки).

Каков же характерный способ достижения ВЕСЕЛЬЯ как состояния? Ответ содержится в словах князя Владимира при выборе вер, конкретно – в обосновании отказа от магометанской веры: «Веселие Руси есть пити». Учитывая мнение исследователей, что в данном выражении слово «русь» пишется (возможно) со строчной буквы и может означать только воинов или только часть народа, можно, тем не менее, сделать вывод о том, что князь обозначил характерный способ изменения состояния сознания, психики в целом, назвав действие. «Пити» – употреблять для «веселия» (возвышения духа) напитков, который содержит вещества, изменяющие состояние психики⁵.

⁴ Сравните: наиболее характерная рифма к слову «невесел» в русских песнях – слово «повесил» в сочетании «голову повесил», т.е. опустил голову, не поднимаешь ее к солнцу, выси.

⁵ В мусульманской культуре для этих целей используется не алкоголь, а вещество растительного происхождения, используемое для жевания.

Рассуждение в этой логике позволяет обозначить пару «веселие – грусть (груз)» как полюса единства состояния психики. Веселие (духа) – состояние психики, характеризующееся одновременно переживанием лёгкости, эйфории, сопричастности миру, могущества и «отвлечённостью» от обыденного, сиюминутного, т.е. одновременно расширением сознания и его сужением в форме концентрации на предмете и задаче деятельности за счёт снижения чувствительности к боли, например.

Грусть (груз) – состояние психики, характеризующееся переживанием тяжести, «загруженности», дисфории, одиночества.

«Золотой серединой» или обыденным правилом в таком случае выступает обыденное состояние психики, обозначим его словом «трезвость» (сравните – «в трезвом уме», «трезво рассуждает», «человек положительный, трезвый»). Такое состояние психики оптимально для выполнения обычной (обыденной же) работы, простого воспроизводства правил жизни общества. Любому государству действительно важно, чтобы БОЛЬШИНСТВО людей обладали именно таким состоянием психики, т.к. оно выступает условием предсказуемого поведения людей, позволяет человечеству воспроизводиться. В том же случае, когда актуальная ситуация требует изменения состояния психики масс, в качестве средства изменения используются идеологические воздействия (с относительно предсказуемым результатом) и одновременно государство регламентирует изменение психики при помощи ПАВ в ситуациях, которые являются пограничными, т.е. в случае угрозы жизни человеку или государству. Отметим здесь, например, разрешение использовать наркотические вещества для обезболивания, алкоголь для поднятия боевого духа и др.

Проясним вышеизложенное примером. В традиционном обществе, опирающемся, например, на Священное Писание и Священное Предание, существует правило событийного структурирования времени жизни. Шесть дней человек работает (памятуя о творении мира за шесть дней), а седьмой день отдыхает, т. е. буквально, седьмой день – «от Духа». Обыденная работа предполагает «трезвое» состоя-

ние психики; в процессе этой работы физические и психические силы расходуются, человек переживает «грусть» – тяжесть, усталость, «никнет». В седьмой день, в соответствии с этим же правилом, человек НЕ работает. Он, в соответствии с текстами Священного Писания, обращается к Богу. Как это выглядит и как при этом изменяется состояние его психики? Человек участвует в литургии, т.е. совместно с другими людьми в символично-метафорической форме переживает заново Священную историю. При этом литургия задает систему условий для изменения состояния психики, для «веселия» (возвышения) духа. В систему условий входят элементы психологического воздействия и использование ПАВ. К числу первых отнесём коллективную молитву, совместное пение, ранее – музицирование (тимпаны, гусли, псалтирь, кимвалы). Ко вторым (ПАВ) – «всесожжения в приятное благоухание Господу», т.е. вдыхание дыма от сжигаемого масла, мяса, тука, хлеба, других растений (ветхозаветная традиция), можжевельника, ладана, «курящегося фимиама» (новозаветная традиция), а также (минимальное) употребление алкоголя. Все эти элементы создают условия для изменения состояния психики, «веселия духа».

В других культурах (основанных на иных версиях Предания и Писания) изменение состояния психики осуществляется сходным образом: ритуальные танцы, песни, музицирование, совместная молитва как психологические элементы и – вдыхание дыма от сожжения жертвенных даров, употребление специальной пищи и напитков, вызывающих «веселие духа». Различия есть в плане соотношения вдыхаемого и вкушаемого (выпиваемого), но использование ПАВ – повсеместно [13]. В любой культуре есть традиции подобного рода; их сохранение и универсальная распространенность указывают на необходимость периодического «подключения» индивидуальной психики к (коллективной психике, Богу, Абсолюту, Универсуму и т. д.) и, соответственно, «отключения» её от обыденности и приземлённости.

Может ли человек овладеть искусством «подключения» и «отключения» психики самостоятельно? История показывает, что может. Вместе с тем, наличие этих примеров относится, скорее, к области

исключений, чем к области правил. Затворники, великие старцы, мыслители, учёные, служители искусства способны сделать это самостоятельно, выбирая для себя различные способы «подключения – отключения». Но это – люди «меньшинства», или люди-исключения.

Поскольку любая человеческая система стремится к воспроизводству, неизбежно возникновение регламентации употребления ПАВ и психологических средств воздействия на изменение состояния психики. В разные периоды истории под запретом оказывались не только алкоголь, наркотики, табак, определенные виды пищи, но и массовые сборища, «пляски и игрища», хороводы, игра на музыкальных инструментах. Все эти запреты – суть отражение потребности системы в ПРЕДСКАЗУЕМОМ поведении большинства членов этой системы. При этом с узко физиологической точки зрения измененное состояние психики вызывает, например, вдыхание продуктов сгорания бензина и его паров (однако, машины пока не запретили), слушание ритмически агрессивной музыки (но эстраду тоже не упраздняют), употребление генномодифицированной пищи (выпуск которой постоянно увеличивается) и т. д.

В разные эпохи государство как система стремится одновременно сохранить предсказуемо изменяемой психику большинства, ограничивая, запрещая, в целом регламентируя употребление ПАВ и психологических средств, т.е., сохраняя психику большинства в состоянии «трезвости» и оставить «зазор» для меньшинства, «людей – исключений». В общем ракурсе регламентация связывается с понятиями «взрослости» и «целесообразности». Поскольку возраст является не только биологическим, но социально-историческим феноменом, существуют вариации нижней границы употребления ПАВ и применения психологических средств (эта часть артикулируется менее отчетливо).

В отношении употребления ПАВ в истории есть варианты нижней границы – 30 лет (законы для воинов Спарты), 18 лет (современное законодательство РФ), 21 год (законы некоторых других стран). Регламентация в связи с понятием «целесообразности» более сложна,

часто предстает в виде «двойной» (или классовой) морали. «Вообще» употреблять ПАВ нельзя, но «кому-то», «для дела» – можно. Естественно, существование двойной морали, особенно в ситуации информационного общества, становится гласным, порождая недовольство и социальные противоречия.

С точки зрения государства: обычному человеку (большинству) не нужно употреблять ПАВ. Это опасно для государства, поскольку может привести к изменению поведения, вызвать риски нарушений закона; это опасно и для самого человека в плане угрозы здоровью [5; 6; 13; 14]. Обычному человеку употреблять ПАВ, с точки зрения государства, нецелесообразно, ведь цель такого человека, как её понимает государство – работать на благо государства, будучи лояльным и трезвым. Для достижения лояльности государство будет использовать психологические средства воздействия [15].

При этом на уровне реалий сохраняется «мягкое» отношение к употреблению ПАВ и вообще самостоятельным способам изменения состояния психики «людьми-исключениями». С точки зрения государства такие люди необходимы для «прорыва», развития общества в целом, т.е. изменение состояния их психики целесообразно. Что же касается человека, он, как было отмечено выше, таким способом может пытаться «добрать» счастья, «подключиться» к миру; в оптимальном случае – ДЛЯ дела, в неоптимальном – просто для переживания соответствующего состояния.

Традиционная схема может иметь следующий вид: изменение состояния сознания (преднастройка на творчество, провИдение будущего, или визуализация образа потребного будущего) – акт творения (с продуцированием высших праксических чувств) – совместное выражение этих чувств – возвращение к обычному состоянию сознания.

В традиционной культуре: общий ритуал преднастройки – совместное ритуальное действие – общая реальная деятельность – общее выражение чувств – возвращение к обычному состоянию сознания.

В ситуации, когда человек отчужден от результатов своего труда, когда его труд перестал быть творением и не подпитан любовью, разрушается вся схема. Вместе с тем человек стремится воплотить архетип способа творения. По сути, потребность в изменении состояния сознания есть часть более глобальной потребности – потребности в творении, в творчестве и любви. Вероятно, основное переживание в измененном состоянии сознания – выход за пределы, принадлежность миру и обладание им.

Заметим, что общая ритуально-нормативная практика (кроме конфессиональных практик) в настоящее время утрачена. Беда, что и в церкви, когда все необходимые преднастройки осуществлены, далее зачастую с человеком ничего не происходит. Вроде бы и общая преднастройка есть (молитва, пение, ритмизованные движения), и психоактивные вещества работают (дым, ладан, воск)... Но это все замкнуто само на себя... Но, и в условиях конфессиональных практик далеко не всегда (вернее, очень редко) делается акцент на том, что, например, литургия – это мощнейшая преднастройка, что участвовавший в литургии боговдохновенный человек должен, по идее, идти горы свернуть, должен принимать свой труд как служение – в общем, творить и пересотворять мир. Ничего похожего, однако, не происходит. Значительная (подавляющая) часть конфессионально вовлеченных (называющихся воцерковленными) людей либо вообще не видит связи между участием в службе и дальнейшей деятельностью, либо отводит участию в службе центральную роль (роль акта творения).

Таким образом, современный «усредненный» (неприятное слово, увы) воцерковленный человек приходит на службу, получает мощную преднастройку... на что? Где это «ДЛЯ»? А ведь эта преднастройка не просто содержит все элементы, воздействующие на изменение состояния сознания, но и постоянно задает ОБРАЗ, образец деятельности, воссоздавая в совместном действе службы события Священной истории. Бог воплотился в человека, чтобы человек мог стать Богом, имея Образ – образец. Тогда далее, по логике, воцерковленный должен демонстрировать качественно иной уровень и результа-

тивность деятельности, нежели невоцерковленный. А ТАКИХ ДАННЫХ НЕТ.

В основном считающие себя воцерковленными люди говорят о чувстве благодати, очищения, легкости после службы. И связывают это, например, с пользой для здоровья. Имеет место подмена мотива целью. В церковь идут не для того, чтобы потом делать что-то. Идут, чтобы быть там. Чтобы испытать чувство легкости, очищения, сопричастности. Карл Маркс исключительно ярко охарактеризовал религию как «вздых угнетенной твари, сердце бессердечного мира.... Опиум народа»⁶, т.е. толковал её как средство ИСЦЕЛЕНИЯ человека. Человек исцелился, об этом свидетельствуют переживания свободы, легкости, радости. И что дальше? Эти переживания – маркеры готовности к осмысленному творческому труду. Если такой труд далее состоялся (в речи такой труд называется «любимой работой», «любимым делом»; характеризуется, как правило, достаточно высокой объективной результативностью и субъективной удовлетворенностью), в его процессе возникли высшие практические чувства, «подпитавшие» состояние сознания. Однако измененное состояние сознания не может продолжаться бесконечно. Человек возвращается в привычное состояние и ощущает, например, не только удовлетворение, но и усталость, опустошенность, в общем, «НЕ – ЦЕЛОСТЬ». Ему необходимо исцелиться.

Другие люди с целью испытания чувства легкости, сопричастности, всемогущества употребляют психоактивные вещества. Далее они тоже могут приступить к осмысленному творческому труду.

Как было отмечено выше, в процессе деятельности порождаются чувства, которые поддерживают измененное состояние сознания. В одном варианте это приводит к самодвижению и развитию деятельности, мотивирует творца к труду. «Бывало, проведя в безмолвной келье два, три дня, позабыв и сон, и пищу, вкусив ВОСТОРГ

⁶ Маркс К. К критике Гегелевской философии права [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: <http://www.civisbook.ru/> (дата обращения: 15.11.2018).

и МУКИ ВДОХНОВЕНЬЯ», – так А. С. Пушкин устами Сальери говорит об этом. Еще раз подчеркнем: изменение состояния сознания с помощью «внешних» веществ и воздействий (дыхательных практик, молитв, поста, алкоголя, мухоморов, курительных палочек, ладана, ритуальных танцев, заговоров, наркотиков и др.) всегда только преднастройка, толчок. Далее измененное (оптимальное для творения) состояние сознания поддерживается из «внутренних» источников – в первую очередь, за счет продуцирования высших практических чувств.

Для условной третьей группы людей переживание подобного состояния возникает, например, в процессе покупок (шопоголики), компьютерных игр и др. [3; 5; 20; 22; 24]. У них есть измененное состояние сознания, порождаются чувства, но порождение происходит в связи со специфическими объектами. Множество покупок дают суррогатное счастье обладания всем миром. Такое же состояние возникает у зависимых от компьютерных игр; в виртуальном пространстве они всемогущи и счастливы. Подлинные ли чувства переживают представители третьей группы? Безусловно. Законно ли их поведение? Да. Проблема лишь в том, что объекты зависимости таковы, что они «расчеловечивают» человека, лишая его психику главной способности – творения, преобразования себя и мира.

Итак, зависимость человека – это вывернутая религиозность (понимаемая как система избирательных устойчивых связей человека с наиболее значимыми объектами бытия). Зависимый буквально вопиет о (утраченном, ненайденном) счастье. В чем основная проблема множества зависимых?

Физиологический аспект зависимости снимается медикаментозно. Но, помним, в измененном состоянии сознания человек готов творить/пересотворять мир. А зависимый, как правило, воспринимает само переживание измененного состояния сознания как целое, а не как часть целого. Неважно, от чего эта зависимость, важно, что характерный признак именно ЗАВИСИМОСТИ (в отличие от отноше-

ния, связи) – ОТСУТСТВИЕ НАДЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В СВЯЗЯХ ЧЕЛОВЕКА.

Зависимость от еды, алкоголя, общества, наркотиков, спорта, здорового образа жизни... Все в результате замыкается на самого человека, его пользу, здоровье, либо его компенсацию нехватки чего-либо (внимания, радости и др.). Т.е. маркеры зависимости – фиксация на переживании состояния измененного сознания (без делания далее) и объект связи, замкнутый на самом человеке, не позволяющий трансцендировать за границы личности.

Пока есть зависимость, нет выхода на понимание значимости Дела, нет стремления к творению, человек просто будет переходить от одного объекта к другому. Перестанет пить – начнет играть. Перестанет играть – пойдет в церковь (хорошо, если не в секту). А потом вполне может быть по кругу. Ведь творения/воссоздания мира в его жизни как не было, так и нет.

Попробуем, наконец, построить некую диспозицию в отношении зависимого человека и попытаемся определить основания понимания зависимости, связи и их соотношений.

Позиция государства: для поддержания и развития государства как «аппарата власти» необходимы условно «обычные» люди (т.е. максимально лояльные, законопослушные, беспрекословно выполняющие волю этого государства, одним словом – «рядовые» граждане или люди «правил», причём таковых должно быть большинство [10]) и, одновременно, люди «необычные» (изменяющие мир, подлинно творческие, способные «продвинуть» общество и государство [11; 20]. Такое продвижение осуществляется как изменение правил, основ жизни, качественное обновление культуры, науки, искусства, религии и др. форм человеческого опыта. Продвижение и обновление сопряжены с «ломкой» правил, законов, устоев [10]. Осуществляющие это люди «нерядовые» или люди «исключения», и их меньшинство.

В соотношении с аспектом «измененность – неизменность состояния сознания» получим: государству нужны в большинстве люди с неизменным или предсказуемо для государства измененным со-

стоянием сознания и одновременно люди с непредсказуемо изменяемым состоянием сознания. В случае тотальной «обыденности» сознания, как и в случае доминирующей «измененности», необыденности его у всех государству угрожает гибель. В первом варианте – от застоя, во втором – от потрясений. Возможность существования и развития определяется политикой государства в плане воздействия на соотношение долей «обычных» и «необычных» людей. В те периоды, когда государству нужна стабильность, поощряются будут «обычные» (в плане внутренней политики – поддержка ЗОЖ, запреты ПАВ в любом виде); в периоды необходимости «прорыва» поддерживаются «необычные» (в плане внутренней политики – смягчение запретов в отношении ПАВ). В реальной жизни государства это проявляется как динамическая иерархическая модель конъюнкции – дизъюнкции («и – и» и «или – или»). Динамический характер модели связан с различием задач государства, а иерархия определяет доминантность – субдоминантность позиций. В периоды, когда государство нуждается в стабильности, в политике доминируют идеи всеобщности, поощрения правила; в периоды выхода на качественно иной уровень доминирует идея уникальной личности, часто поступающей «не по правилам», идея великих исключений.

По аналогии с армией, как одним из наиболее репрезентативных социальных институтов общества, отметим, что армия не может существовать без рядовых, т. е. «людей правила» с предсказуемо измененным состоянием сознания; одновременно в периоды испытаний, свершений востребованы «люди – исключения», способные принять нетривиальные решения – великие полководцы. Если таких станет достаточно много, это неизбежно разрушит единство армии. Если их нет – армия бессильна, она превращается просто в массу, толпу.

Как видим, позиция человека представлена соотношением тенденций «зависимости – независимости», с одной стороны, и уровнем осмысления этих тенденций, с другой. И осмысление отношения, как связи или как зависимости, в основе своей предполагает постановку продуктивного вопроса – «Для чего?». Самовопрошание как важней-

шая часть психогигиены открывает человеку пространство выбора. Культуру самовопрошания о смыслах можно воспитывать, понимая при этом, что способный к самовопрошанию потенциально – «человек меньшинства», «человек – исключение».

«Человек – исключение»: понимает, ДЛЯ чего ему нужно измененное состояние психики, осознаёт своё предназначение творца, осуществляет творение, умеет использовать для изменения состояния психики разные условия. Он может нервно курить, чтобы сосредоточиться на решении проблемы, а может никогда не курить и бегать по 10 км по утрам, чтобы сосредоточиться на решении проблемы. Он может выпить алкоголя, чтобы войти в состояние, в котором удастся начать или завершить (музыку, теорию, роман, картину), а может никогда не пить и медитировать по три часа в день для того же самого. Он владеет способами изменения состояния психики. Обществу он чаще всего опасен и одновременно нужен.

«Человек – правило» может никогда вопроса «Для чего?» не задавать себе. В крайнем варианте «человек-правило» не пьёт, не курит, вообще не злоупотребляет. За него всё решают, он лишь исполнитель. Не пил, не курил, не увлекался, не имею, не участвовал, не привлекался, не замечен. При этом для значительной части «человеков-правил» очень притягательны «люди – исключения», он тоже хочет «как они». Добрать счастья, пережить состояние; не дерзая на творение, пережить «похмелье» и вновь мечтать о пережитом состоянии. Государству очень полезен.

Крайних типов, как понятно, мало. В основном на протяжении жизни тенденции «правила» и «исключения» находятся в некотором неравновесном балансе. И попытка самоанализа может быть продуктивной в плане создания пространства жизненных выборов.

Список литературы

1. Арсеньев А. С. Подросток глазами философа // Философские основания понимания личности. М.: Академия, 2001. С. 480–545.

2. Белобрыкина М. А., Белобрыкина О. А. Психологические особенности подростков с компенсаторным типом адаптации к социуму // Филология и культура. 2014. № 1 (35). С. 312–321.

3. Белобрыкина О. А., Лядская А. В., Руцких А. С. Тенденция развития зависимости от виртуальной реальности у современных школьников // Актуальные проблемы специальной психологии в образовании: сборник докладов межрегиональной научно-практической конференции: в 2 ч. Новосибирск: НГИ, 2003. Ч. 2. С. 22–25.

4. Белобрыкина О. А., Лимонченко Р. А. Факторы возникновения делинквентного поведения в подростковом возрасте: литературный обзор зарубежных исследований // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / под общ. ред. проф. З. Х. Саралиевой: в 2 т. Т. 2. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 78–82.

5. Белобрыкина О. А. Многообразие рисков и факторов их возникновения в обществе постмодерна: теоретический обзор проблемы // Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное: монография / под науч. ред. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. С. 14–30.

6. Бохан Н. А., Буторина Н. Е., Кривулин Е. Н. Общая психопатология в клинической наркологии: учебное пособие в таблицах и схемах / под ред. д-ра мед. наук, проф. Н. А. Бохана, д-ра мед. наук, проф. Н. Е. Буториной, д-ра мед. наук Е. Н. Кривулина. Челябинск: Изд-во ПИРС, 2010. 234 с.

7. Выготский Л. С. Педология подростка // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология / под ред. Д. Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. С. 5–242.

8. Губин В. Д. Любовь, творчество и мысль сердца // Философия любви. Ч. 1 / под общ. ред. Д. П. Горского; сост. А. А. Ивин. М.: Политиздат, 1990. С. 231–253.

9. Зыкова М. Н. Знание основ традиционной культуры как компонент картины мира современного человека // Актуальные проблемы психологического знания. 2012. № 3. С. 37–55.

10. Зыкова М. Н., Шнейдер Л. Б. Психологические категории «норма» и «правило» в обсуждении поведенческой активности детей и подростков // Актуальные проблемы психологического знания. 2009. № 3. С. 70–77.

11. Кошенова М. И. Философско-психологический подход к определению природы творчества // Взаимодействие репродуктивного и продуктивного типов деятельности: материалы научно-практической конференции / сост. С. А. Аржа-

нова, Н. Д. Жидкова. Куйбышев: Изд. НГПУ, Куйбышевский филиал, 2005. С. 68–78.

12. Кошенова М. И. «Проблемные зоны» сохранения психологического и социального здоровья школьников в период подростничества // Инновации в медицине, психологии и педагогике: материалы VII Международной научно-практической конференции (Вьетнам, Муй Нэ, 27 апреля – 7 мая 2016 г.) / под науч. ред. М. Г. Чухровой, О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Немо Пресс, 2016. С. 229–234.

13. Крылова Н. В., Шнейдер Л. Б. Социальные и личностные последствия употребления психоактивных веществ в подростковой и молодежной среде: монография / под ред. В. И. Журко. М.: Ин-т международных социально-гуманитарных связей, 2010. 94 с.

14. Крылова Н. В., Шнейдер Л. Б. Утрата личностной идентичности у молодежи и подростков, зависимых от алкоголя и наркотиков // Актуальные проблемы психологического знания. 2011. № 1. С. 69–79.

15. Лакомова А. А., Хусяинов Т. М. Значение правового просвещения в современной России // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2016. № 2. С. 15–21.

16. Лимонченко Р. А., Белобрыкина О. А. Представления о девиантном поведении подростков в отечественной психологии: исторический абрис исследований // Надежды: сборник научных статей студентов. Вып. 11 / науч. ред. З. Х. Саралиева. Ниж. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 55–59.

17. Мэй Р. Любовь и воля. М.; Киев: Рефл-бук: Ваклер, 1997. 384 с.

18. Франкл В. Человек в поисках смысла / общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

19. Фромм Э. Искусство любить. М.: АСТ: Neoclassic, 2017. 256 с.

20. Шнейдер Л. Б. Психология подростковой девиантности и аддиктивности: учебно-методическое пособие для студентов, изучающих дисциплину «Психология девиантного и аддиктивного поведения». М.: Изд-во МПСУ, 2016. 300 с.

21. Шнейдер Л. Б. Цифровые аддикты: формирование новых зависимостей и изменение личности молодого человека // Актуальные проблемы психологического знания. 2017. № 1 (42). С. 72–79.

22. Шнейдер Л. Б., Сыманюк В. В. Пользователь в информационной среде: цифровая идентичность сегодня // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2017. Т. 10, № 52. С. 7.

23. Hatfield E., Rapson R. L. Emotional contagion: Religious and ethnic hatreds and global terrorism // In: Larissa Z. Tiedens & Colin Wayne Leach (Eds.) The social life of emotions. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. pp. 129–143.

24. Koshenova M. I. Workaholic: perfect, awful or doesn't matter? // Psychological science and practice: State of the Art. Collected papers / ed. A. A. Kostrigin Chicago: Lulu Press, 2017. pp. 107–113.

25. Ritberger C. Love... What's Personality Got to Do with It? Working At Love To Make Love Work. Hay House, 2006. 217 с.

2.2. Несовершеннолетние правонарушители: лечить, наказывать или... ищем другие варианты?

Проблема противоправного поведения несовершеннолетних – одна из ключевых в области девиантологии, но она и сегодня всё так же далека от решения, какими бы бравурными цифрами о снижении подростковой преступности и численности воспитательных колоний для несовершеннолетних не оперировала официальная статистика. Социальная реальность, репрезентируемая в СМИ, масштабное распространение в подростковой среде более чем в 16 регионах России криминальной субкультуры «АУЕ», значительное количество запросов родителей о том, в какое учреждение (предпочтительно интернатного типа) можно устроить «неудавшийся проект» по имени «ребёнок», если он «плохо себя ведет» и «представляет угрозу для окружающих», явно свидетельствуют о том, что делинквентность несовершеннолетних является серьезным социальным вызовом.

Мысль Я. И. Гилинского, высказанная им в 2002 году, о низком уровне эффективности социального контроля над высоким уровнем преступности [4], и сегодня вполне актуальна, во всяком случае для города Новосибирска и Новосибирской области. Так, по результатам соцопроса сервиса Numbeo (данные опубликованы 22.09.18) Новосибирск вошел в рейтинг 300 самых криминальных городов мира, заняв в нем сомнительно «почетное» 135 место, обогнав Москву (144 место) и Санкт-Петербург (198 место). Знание того факта, что самым

криминальным оказался все же не российский город, а Сан-Педро-Сула (1 место), представляющий Гондурас, не утешает и не успокаивает. В том числе и потому, что в целом по Новосибирской области в 2018 году выросло число только зарегистрированных преступлений, по сравнению с аналогичным периодом 2017 года: за январь-август 2018 года – 31 073, что составило в процентах к соответствующему периоду 2017 года 106,5 % (по данным ГУ МВД России по НСО [7]). О том, что это только фрагмент реального айсберга преступности, легко догадывается любой взрослый россиянин, сталкивавшийся с отказом в возбуждении дела или ревизирующий собственные заявления о преступлениях в отношении себя из-за низкой репутационной состоятельности российских правоохранительных органов.

Обращают на себя внимание и виды преступлений, по которым фиксируется прирост числа именно зарегистрированных преступлений по сравнению с предшествующим годом: мошенничество, вымогательство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, кража, грабеж, – по сути, всё, что связано с отъёмом материальных ценностей и вымещением агрессии.

Выросло и число выявленных лиц, совершивших преступления, среди несовершеннолетних и молодежи (учащихся, студентов, а также безработных), о чем свидетельствуют официальные данные [7], представленные в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика лиц, совершивших преступления по НСО
(по данным Главного Управления внутренних дел НСО):

Выявлено лиц, совершивших преступление, человек	Январь – август 2018 года	В % к соответствующему периоду 2017 года
Всего, из них:	11, 839	97,1 %
несовершеннолетних	679	105,3 %
женщин	1752	95,7 %
учащихся, студентов	699	107,0 %
не имеющих постоянного источника доходов	7629	94,6 %
в том числе безработных	46	127,8 %

Памятуя о том, что численность выявленных не тождественна численности всех совершивших преступные деяния, мы можем говорить о нарастании неблагополучия по показателю противоправного поведения подростков и молодежи. Очевидно, что понимание причин криминализации является одним из важнейших условий построения эффективной системы социального контроля и своевременной профилактики.

В российской девиантологии количество работ, посвященных анализу причин делинквентного поведения, неуклонно растет [1–3; 5; 6; 8–11], что свидетельствует о наличии четко выраженного социального запроса на разработку эффективных превентивных мер по предупреждению подростковой преступности.

Я. С. Васильева и Е. В. Змановская представили качественный обзор исследований детерминации делинквентного поведения [2]. На основе анализа большого массива работ отечественных исследователей, начиная с 19 века и заканчивая современными монографиями, авторы выделяют демографические, социально-экономические, социально-психологические, нормативно-правовые, медицинские (психические), конституционально-биологические и физиологические, семейные и психологические, а также ситуативные детерминанты делинквентности, резюмируя: «Несмотря на разнообразие мнений, исследователи приходят к единодушному мнению о том, что делинквентное поведение является сложным многофакторным феноменом, сущность которого состоит в рассогласовании отношений личности с окружающей социальной действительностью и с собой» [2, с. 171].

В то же время параллельно в социальной практике в целом и в педагогической практике в частности существует значительное количество мифов о причинах подростковой делинквентности. Остановимся на наиболее распространенных сегодня.

«Преступниками рождаются». Миф в духе Ч. Ламброзо, утверждавшего, что ненормальная физическая, а потому и психическая организация являются причиной делинквентного поведения, то есть особая порода «*homo delinquent*» (лат. «человек виновный») с неиз-

бежностью предопределяет преступную реализацию и невозможность исправления. Идеи итальянского психиатра 19 века весьма популярны в настоящее время среди русских педагогов и родителей. Мы не пытаемся опровергать, что риски формирования девиантного поведения выше у детей и подростков с высоким уровнем импульсивности или ментальными особенностями, но мы не готовы согласиться с абсолютной предопределенностью преступности личности формой ушей, длиной тела или наличием олигофрении и уж тем более «любовью к новому» (последнюю не только Ч. Ломброзо считал аномальным, но и школьный учитель, воспитатель и родитель с готовностью «клеят» как аномальность в приложении к подростку с высоким уровнем креативности). Кроме того, подход «безысходной предопределенности» порождает стремление «не вписавшегося» в требования школы первоклассника уже в первый месяц обучения перевести на домашнее обучение (усугубляя дезадаптацию), сдать «трудного ребенка» в специнтернат или спецшколу, в каждом неприятном происшествии априори винить условно осужденного, но главное – разрешить себе не заниматься вопросами превенции и коррекции, потому как «подлая порода» сама возможность адекватной социализации или ресоциализации не предполагает.

«Только в «плохой» семье растут делинквенты». Миф, который, с одной стороны, приводит к формированию у родителей «нереалистического оптимизма», и тогда, при отсутствии у семьи ярлыка асоциальности, влияние значимых сверстников или случайности просто не принимается в расчет: о его безопасности дополнительно не заботятся, друзьями не интересуются, интересы игнорируют; с другой стороны, лишает оступившегося подростка какой бы то ни было поддержки со стороны родителей: ему не прощают «позора семьи», а, по сути, свидетельства собственной родительской некомпетентности. Этот миф – питательная почва для дезадаптационных рисков.

«Только семья – источник плохого поведения ребенка». Миф, который позволяет педагогам школ снимать с себя ответственность за процесс социализации «чужих детей», вступать в конфронтацию, а не

искать союзнических отношений с семьей. Именно этот миф «разрешает» педагогам занимать обвинительную позицию по отношению к родителям, провоцируя ответные обвинения. В итоге «трудный ребенок или подросток» получает информацию от двух значимых агентов социализации о том, что ни один из них не заслуживает уважения, не выполняет свои обязанности, не является эффективным.

«Школа не занимается воспитанием». Миф, в принципе не имеющий под собой основания. И не только потому, что у каждой школы есть планы воспитательной работы, множество мероприятий, а учителя значительно больше времени проводят с учениками, чем со своими собственными детьми. Данный миф не состоятелен потому, что процесс обучения в любом случае несет в себе и воспитательную функцию. Комментарии учителя по поводу событий и явлений, отношение к самим ученикам и представителям разных национальностей или конфессий, отношения между учителями, оценки за исполнительность или самостоятельность мышления, отношение к власти или обладанию материальными ценностями, игнорирование моббинга среди школьников – всё это формирует систему координат для формирования «картины мира» и личности ребенка. И эта система координат в не меньшей степени, чем родительская, может влиять на формирование как просоциального, так и противоправного, делинквентного поведения.

«Сегодняшние подростки – безнадежное поколение: для них нет авторитетов, они избалованы родителями, агрессивны, живут исключительно в интернете, хотят иметь всё и сразу»... Перечень недостатков и особой «испорченности» каждый продолжает на своё усмотрение. Миф об особой невоспитуемости современных подростков «снимает ответственность» с неэффективных воспитателей и сигнализирует о том, что агенты социализации зачастую воспринимают подростков как группу «чужих, иных», совершая все присущие таким ситуациям ошибки: восприятие чужой группы как гомогенной (однородной), худшей, чем своя; восприятие только той информации, которая соответствует ожиданиям, и игнорирование любой другой; вы-

страивание «иллюзорных корреляций». Кроме того, такие мифы часто «запускают» механизмы «самоподтверждающегося пророчества»: предполагая, что всем подросткам свойственны хамство, грубость, безразличие к чувствам других, воспитатель (учитель, родитель, сосед) сам начинает разговор в достаточно агрессивной манере и в ответ получает именно то, что и ожидал – хамство и агрессию.

Таким образом, недостаточный уровень рефлексии собственных воспитательных практик (не только у родителей, но и у учителей, имеющих специальную подготовку в области воспитания), помноженный на отсутствие объективного знания о проблемах взросления сегодняшних подростков, повышает дезадаптационные риски, в том числе и риски формирования делинквентного поведения.

Прогнозировать любые риски девиантных проявлений у подростков невозможно без их объективного изучения. Своевременный мониторинг социальных условий взросления и типичных личностных проблем подростков в контексте конкретного исторического времени – обязательное условие для организации превентивных мер в области профилактики девиантного поведения.

Риски девиантного поведения, в том числе делинквентных проявлений у подростков – жителей города Новосибирска, изучались в социально-психологическом исследовании, участниками которого стали 478 подростков, обучающихся в 5, 7 и 9 классах, из них 245 мальчиков и 233 девочки из школ разных районов города Новосибирска.

Остановимся только на наиболее значимых в рамках заявленной проблемы правонарушений несовершеннолетних результатах.

Многие исследователи в качестве индикатора делинквентной мотивации указывают ориентацию на обладание материальными ценностями, особенно на фоне выраженного социально-экономического расслоения общества. В нашем исследовании подростки наряду с семьей, здоровьем и дружбой одним из наиболее значимых критериев успешности жизни называют материальный достаток, более того, ученики 9-х классов именно материальному достатку (деньгам) отдают первую позицию в своей иерархии ценностей (предлагался от-

крытый вопрос: «Что для тебя является самым важным в жизни?»). Если учесть, что в опросе принимали участие школьники из общеобразовательной школы, гимназии и лицея, воспитывающиеся в семьях с разным социально-экономическим статусом, то становится понятным, что в 15-16 лет стремление к обладанию материальными ценностями является интегральным мерилom самоотношения, отношения к сверстникам и построения жизненных планов, не зависимо от принадлежности к тому или иному «культурному слою» мегаполиса.

С учетом того факта, что собственная жизнь достаточно большой частью подростков оценивается как «худшая возможная жизнь» (по 17 % в пятых и седьмых классах, 21 % девятиклассников) или «обычная жизнь» (31 % пятиклассников, 35 % семиклассников, 39 % девятиклассников), а до варианта «лучшая возможная жизнь» не «дотягивает» больше 50 % семиклассников и девятиклассников, гипотетическая возможность взять «в свои руки» улучшение своей жизни, в том числе за счет совершения противоправных действий против сверстников или представителей других возрастных групп, «честного отъёма» чужого имущества, представляется вполне реальной.

Многие подростки имеют опыт физического и (или) психологического насилия в свой адрес. Самой опасной территорией – территорией насилия подростки называют улицу (24 % пятиклассников, 32 % семиклассников), затем школу (9 % пятиклассников, 13 % семиклассников, 20 % девятиклассников) и дом (7 % пятиклассников, 4 % семиклассников, 3 % – девятиклассников).

Обидчиками чаще всего являются одноклассники (48 % пятиклассников, 35% семиклассников и 34 % девятиклассников) и другие сверстники (соответственно, 25 %, 41 % и 40 %), хотя свою лепту в этот процесс вносят и родители (чаще всего на это жалуются пятиклассники – 15 %), и другие взрослые (по 12 % семиклассников и девятиклассников указывают на это), и учителя (чаще всего под психологическое насилие попадают ученики девятого класса – 11 %, тогда как среди семиклассников об этом заявляют 8 %, а среди обучающихся в пятом классе только 2 %).

Жертвами кибермоббинга становились 15% пятиклассников, 39 % – семиклассников, 34 % девятиклассников.

Неудовлетворенность собственной жизнью, помноженная на психотравмирующий опыт, представляет собой «гремучую смесь» для поиска объектов «канализации» накопившихся тревоги и агрессии. С учетом статистики, показывающей, что большое количество преступлений несовершеннолетними совершается в состоянии алкогольного опьянения, тот факт, что 22 % пятиклассников, 30 % семиклассников и 58 % девятиклассников имеют опыт, как минимум, эпизодического употребления алкоголя в группе сверстников, вероятность рисков противоправных действий подростков может оцениваться как очень высокая.

При этом уровень правовой некомпетентности подростков потрясает. Так, в частности, о возможности наступления уголовной ответственности с 14 лет не знают 48 % пятиклассников, 35 % семиклассников и 38 % девятиклассников. О том, что уголовная ответственность возможна за репост не знают, соответственно, 98%, 41 % и 89 % школьников разных возрастных групп (и это невзирая на то, что уже широкий общественный резонанс получили возбужденные дела по поводу репостов в сети Интернет). О том, что возможна уголовная ответственность для несовершеннолетних за подделку документов неведомо в среднем 90 % всех подростков, участвовавших в исследовании, хотя в течение двух месяцев, предшествующих опросу, в СМИ активно обсуждалось резонансное уголовное дело по ч. 1 ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации), возбужденное в отношении несовершеннолетнего ученика новосибирской гимназии за подделку оценок в школьном электронном журнале.

Необходимо отметить, что и знание закона новосибирских подростков не останавливает: о том, что для несовершеннолетних предусмотрена уголовная ответственность за физическое насилие знают 38 % пятиклассников, 92 % семиклассников и 41 % девятиклассников, при этом в различных формах школьного моббинга (среди кото-

рых есть и физическое насилие) уже принимали 61 % пятиклассников, 55 % семиклассников и 68 % девятиклассников. Вероятно, школьное насилие интерпретируется как норма, на которую наказание распространяться не может. К сожалению, как показывает правоприменительная практика, так же рассуждают следователи и судьи, так как даже крайне редко возбуждаемые уголовные дела из-за школьного моббинга не «доходят» до суда, а если «доходят», то, как правило, выносятся условные сроки.

Показательным, на наш взгляд, является ответ на вопрос о том, чем подростки будут руководствоваться в случае сложного выбора (выбрать можно было только один вариант из предложенных), представленный в таблице № 2.

Таблица 2

Детерминанты в случае сложного выбора

Чем будешь руководствоваться в ситуации сложного выбора?	5 класс	7 класс	9 класс
Справедливостью	63 %	64 %	39 %
Обязательствами перед друзьями	5 %	3 %	4 %
Законом	14 %	9 %	14 %
Мнением родителей	16 %	17 %	12 %
Вознаграждением	2 %	4 %	12 %
Возможностью наказания	6 %	6 %	10 %

Можно было бы порадоваться, что наши подростки достигли постконвенционального (самого высокого) уровня нравственного развития (в терминологии Л.Кольберга), но с учетом того, что собственной жизнью многие из них не удовлетворены, обладание материальным (деньгами) занимает важное место в иерархии их ценностей, вопрос о том, что именно сочтет в настоящее время справедливым подросток, остается открытым... Усложняет ситуацию распространенность правового нигилизма в разных возрастных группах, отчасти продиктованного непоследовательной правоприменительной практикой в отношении высокостатусных и низкостатусных членов общества. Но необходимо учитывать, что в российской ментальности

закон репрезентируется не как непреложность и уж тем более закон и суд не считаются справедливыми на протяжении нескольких веков. Достаточно обратиться к пословицам и поговоркам русского народа, собранным и опубликованным В.И. Далем еще в 18 веке, и мы обнаружим большую часть негативных суждений: «Закон – дышло: куда захочешь, туда и воротишь», «Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет», «Что мне законы, коли (были бы) судьи знакомы» и подобные им.

День сегодняшний не привел к кардинальным изменениям в содержательном отношении к закону, скорее негативное отношение усугубилось. Так, в одном из наших исследований в студенческой аудитории, на просьбу вспомнить любые пословицы и поговорки о законе, мы получили весьма любопытный актуализировавшийся «набор» клише: «Не пойман-не вор», «Законов много, толку мало», «Закон что дышло, куда повернешь – туда и вышло», «Пока до нас дойдёт закон, перевернут со всех сторон», «Законы хороши на бумаге», «Дуракам закон не писан, если писан – то не читан, если читан – то не понят, если понят – то не так. А если так? То ты дурак!» и совсем уж потрясающее: «Нам закон не писан». Очевидно, что спонтанно актуализируется именно то, что является нашей, как минимум, когнитивной установкой; не факт, что именно ею субъект будет руководствоваться в своих действиях, но модальность отношения к закону и судьям ею всё же определяется. Кстати, лидером актуализирующегося «народного знания» стало высказывание «ни украсть, ни покараулить»; при всем том, что это не прямое высказывание о законе, явная негативная коннотация в оценке человека, не обладающего подобными характеристиками, указывает на весьма специфические отношения с законом и готовности к его нарушению.

К социальным факторам, определяющим готовность подростков к совершению правонарушений, также с уверенностью можно отнести следующие:

- «Размытость» общественных норм и в целом состояние «аномии» в обществе, лишаящие подростка адекватных социальных ори-

ентиров и не позволяющие адаптивно «встроиться» в понятную «систему координат».

- Высокий уровень психоэмоционального напряжения, связанный, в первую очередь, с острым ощущением социальной несправедливости и экономической нестабильности, помноженный на активное тиражирование в СМИ террористических, атомных, техногенных, экологических и прочих угроз. Подростки совсем не обязательно являются потребителями информационного контента, но проводником психоэмоционального напряжения становятся значимые взрослые (родители и учителя).

- Культ агрессивного поведения, задаваемый на всех общественных уровнях, в высказываниях и действиях высоко статусных представителей власти и оппозиционных политиков и организаций, «православных активистов» и чиновников «рангом пожиже», медицинских работников и школьных учителей... Список можно пополнять до бесконечности. В агрессивной риторике, в пожелании кому-либо «сдохнуть» объединяются и президент, и бабушка-соседка, и активный моббер, и жертва моббинга – поразительное национальное единодушие. Объективно: агрессивный игровой компьютерный контент не выдерживает конкуренции с повседневной агрессивностью обыденности.

- Проникновение криминальной субкультуры (жаргона, стратификации, ценностей) в жизнедеятельность разных социальных групп фактически обесценивает «право» права на жизнь, что, в свою очередь, становится условием формирования готовности подростков к противоправному поведению с «флёром воровской романтики».

- Снижение неформального социального контроля при ограничении коммуникативного взаимодействия родителей с детьми и тотальной отчужденности соседей всех возрастов, особенно выраженного в условиях мегаполиса.

Таким образом, риски формирования делинквентного поведения подростков во многом определяются социальной реальностью, никак не сводятся только к «плохой генетике», морфологии, ментальному

дефекту, влиянию пика солнечной активности или «циклам молодежной преступности», а, следовательно, с изменением социальной реальности и необходимо работать. Но эффективность превенции и коррекции противоправного поведения у подростков невозможны без учета личностных и возрастных факторов, вносящих свою лепту в формирование делинквентного поведения.

Делинквентным проявлениям также способствуют:

- Высокий уровень рискованного (в том числе противоправного) поведения и отсутствие страха быть наказанным (см. выше данные таблицы 2).
- Ситуативность мышления и поведения.
- Проблемы с прогнозированием последствий собственных действий.
- Ориентация на признание группы, ради которого можно совершить немыслимое в одиночку.
- Высокий уровень инфантилизма из-за гиперпротекции «яжематерей» или гиперконтроля тревожных и невротизированных родителей.
- Эмоциональная «глухота», «секвестрированность эмпатии», низкий уровень социального интеллекта, задаваемые деятельной парадигмой образовательных организаций и ограниченной коммуникации с родителями, общения с разновозрастными субъектами (тот же «двор» перестал быть местом социализации, трансляции детской субкультуры и приобретения социально полезных навыков).

Профилактика делинквентного поведения, по сути, должна предусматривать работу на всех уровнях, начиная, как минимум, от социальной политики до индивидуального психологического сопровождения взрослеющей личности. Причем именно в такой последовательности, с учетом факта детерминирующего влияния социального контекста.

Зарубежные специалисты, освещающие вопросы профилактики делинквентности, уделяют особое внимание роли правительства, реализующего социальную политику предупреждения. А. Maluccio [12],

J. Sarnecki [13], R. Stainton [14], J. Wallerstein [15] и др., в частности, указывают, что социальная политика в сфере защиты семьи и ребенка, прежде всего из «групп риска», политика занятости, жилищная и образовательная политика являются значимым ресурсом для формирования просоциальных моделей поведения в сложном переходе от детства к юности и от юности к зрелости или же, напротив, ослабления возможностей семьи и общественных институтов в осуществлении процесса социализации. В российской социальной практике «по гамбургскому счету» в предупреждении противоправного поведения подростков спрашивают прежде всего с семьи или ждут «чудо-помощи» от школьного педагога-психолога или психолога социальной службы. Безусловно, государство определяет меры профилактики на законодательном уровне через Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (последняя ред. от 27.06.2018) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», возлагая ответственность на различные общественные институты. Безусловно, государство определяет механизмы социальной поддержки семей и детей через Федеральный закон «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 № 178-ФЗ (последняя ред. от 07.03.2018). Но, к сожалению, работа институтов, организаций и учреждений, с точки зрения организации реальной профилактики, достаточно часто носит предельно формальный характер. И так же безусловно, градус агрессии в обществе в ближайшее время не снизится, потому что, сетуя о неразвитой рефлексии у подростка, взрослые крайне редко рефлексиируют сами. Очевидно, что в сложившейся структуре социальных ожиданий и «социальных ответственностей» педагогу-психологу, а в идеале специалисту-девиантологу, придется определяться с приоритетами первичной профилактики противоправного поведения.

Лечить? Только в случае очевидной необходимости направлять на консультацию к неврологу или психиатру. Наказывать? Нет у психолога или девиантолога такого права, да и не боится подросток не

только морального, но и уголовного наказания. Остается искать варианты конструктивной психологической и просветительской работы.

В качестве возможных вариантов профилактики противоправного поведения среди подростков можно назвать работу по эмоциональному развитию (тем более что дети и подростки всё чаще демонстрируют «секвестрированную эмпатию»), развитию социального интеллекта, обучению конструктивному конфликтному поведению и подростков, и их родителей, работу по обучению осознанному выбору и пониманию, что на каждое «хочу» существует своё «должен». Очевидно, что не менее важной задачей в профилактике противоправного поведения остается и задача формирования правовой компетентности. И решать эту задачу необходимо скоординированными действиями различных служб.

Мы глубоко убеждены, что функции организатора и координатора всей профилактической работы по формированию делинквентного поведения среди подростков, должны быть прерогативой девиантолога, обладающего необходимым комплексом социально-педагогических и психологических знаний, хорошо осведомленного о работе различных институтов, законодательно закрепленных за решением проблемы профилактики девиаций, и общественных организаций и благотворительных фондов, часто обладающих дополнительными возможностями для решения нетривиальных задач.

Список литературы

1. Антонян Ю. М., Гончарова М. В. Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 87–100.

2. Васильева Я. С., Змановская Е. В. Проблема детерминации делинквентного поведения в отечественных исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 1 (49). С. 166–172.

3. Васягина Н. Н. Предикторы делинквентности подростков // Проблемы девиантного поведения подростков в современном обществе: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., 29–30 окт. 2015 г. Южно-Сахалинск: ИРОСО, 2015. С. 25–29.

4. Гишинский Я. И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: курс лекций. СПб.: Питер, 2002. 384 с.
5. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1983. 259 с.
6. Лукашук С. В., Тепляшин П. В. Общественная опасность и криминологическая детерминация насильственной преступности несовершеннолетних // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2017. № 6. С. 355–357.
7. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области [Электронный ресурс] URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/ru/statistics/ (дата обращения: 15.12.18).
8. Пристанская О. В. Делинквентность: правовое и криминологическое понятие // Журнал российского права. 1999. № 5-6. С. 73–80.
9. Тигунцева Г. Н. Генезис научного знания о личности подростка-делинквента в отечественной психологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 1. С. 47–56.
10. Ханипов Р. А. Подростково-молодежная делинквентность в современной России: дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. 172 с.
11. Шабалин О. М. О необходимости исследования влияния интернета на делинквентное поведение несовершеннолетних // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 175–180.
12. Maluccio A. Permanency Planning for Children: Concepts and Methods. London: Tavistock, 2006. 118 p.
13. Sarnecki J. Reactions to Crimes Committed by Young People // Snare (ed.) Youth, Crime and Justice. Oxford: Norwegian University Press, 2001. 301 p.
14. Stainton R. Child Abuse and Neglect. London: Batsfoed, 2002. 181 p.
15. Wallerstein J. Second Chance. London: Corgi Books, 2008. 265 p.

2.3. Социально-психологический профиль подростка с поведенческими нарушениями

В современной науке девиантное поведение рассматривается как отклонение в поведении от социальных норм [17; 26; 39; 41]. Заметим, что категория нормы является не только ключевой составляющей понятийного аппарата психологии и смежных с ней социальных отраслей наук, но и представляет собой одну из наиболее дискуссионных проблем. Именно этим объясняется существование различных подходов к определению и описанию нормы, многообразие критериев, предлагаемых разными учеными для определения и содержательного наполнения этого понятия. Чрезвычайно многообразна вариативность типов и видов норм, причем при определении «нормальности» человека специалисты обычно оперируют комплексом норм (например, для определения нормы развития ребенка важно учитывать не только возрастную, но и индивидуальную, и функциональную, и социальную, и ряд других видов норм). Очевидно, что социально-психологическая позиция при рассмотрении проблемы нормы представляется чрезвычайно важной.

В общем виде категория нормы трактуется как «узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй и, вместе с тем, как установленная мера, средняя величина, характеризующая какую-либо совокупность событий» [30, с. 382]. Соответственно все, что выходит за её пределы – и отстающее, и опережающее развитие, – рассматривается как отклонение от нормы. По мысли В. И. Слободчикова, норма зачастую воспринимается как максимальная степень одинаковости, а, следовательно, «любая неодинаковость становится отклонением от нормы, патологией». Однако, полагает ученый, «норма – это не то среднее, что есть, а то лучшее, что возможно для каждого человека в его обстоятельствах» [35].

Ряд авторов в контексте социально-психологического аспекта определяют норму с позиции адаптации, содержательно связывая ее с понятием функционального оптимума. Этот подход, ориентирован-

ный на понимание нормы как возможности адаптации, преобладает в психологии, где многие психические и поведенческие расстройства рассматриваются именно как состояния устойчивой дезадаптации [18; 28; 39]. Однако, как отмечает Б. В. Зейгарник, в отдельных случаях патологические процессы могут носить приспособительный характер и оставаться таковыми до тех пор, пока они сохраняют свою защитную функцию. Иными словами, болезнь может являть собою одну из форм адаптации человека к особым условиям существования [16]. Кроме того, понимание нормы как возможности адаптации обладает и рядом других ограничений. Так, в частности, когда имеется в виду социальная адаптация, предполагающая соблюдение принятых в конкретном обществе стандартов поведения, регламентирующих отношения людей, и выступающая значимым условием эффективного взаимодействия членов общества в процессе общения и совместной деятельности, важно учитывать исходную неоднозначность требований социума к человеку вследствие неоднородности и самого социума [10; 14; 19; 28]. Важно и то, что личность на протяжении всей своей жизни постоянно осуществляет поиск той социальной группы, в которой её особенности будут оцениваться как присущие норме. Как отмечают В. В. Лучков и В. Р. Рокитянский, сложность социокультурной (микро-, макро-) среды, в которой живет человек, и его связей с ней, закономерно порождают ситуации необходимости адаптации к разным подсистемам и аспектам этой среды, которые также противоречат друг другу [24]. Можно полагать, что в современной реальности нормальным может считаться субъект, который не только успешно адаптирован к данной среде, но и способен к её активному преобразованию в системе своих личных связей с окружающим миром.

А. Ю. Чернов для понимания принципов существования и механизмов действия социальных норм предлагает интеграцию трех теорий:

1. Теория социализации Т. Парсонса, согласно которой норма – «это словесное описание конкретного образа действий, который счи-

тается социально желательным» [38, с. 149]. Причем интернализированные в процессе социализации нормы начинают оказывать непосредственное влияние на мотивы поведения личности.

2. Теория групповой идентичности, ключевым моментом в которой является интеграция человека в группу и соблюдение норм – общих убеждений, установленных в ней. Данная теория не предполагает, что нормы должны быть интернализированы, поэтому, в связи с выходом из группы или утратой её референтности для личности, нормы могут изменяться.

3. Теория рационального выбора, где норма – это установленный шаблон поведения, нарушение которого приводит к применению негативных санкций со стороны группы. В соответствии с этой теорией, норма становится интернализированной после того, когда человеку станет очевидно, «что цена нарушения норм значительно превышает выгоды их соблюдения» [38, с. 151].

Е. В. Змановская и В. Ю. Рыбников определяют социальную норму как совокупность требований и ожиданий, которые предъявляет социальная общность к своим членам с целью регуляции деятельности и отношений. Основные свойства нормы – объективность, историчность, универсальность, схематичность, безусловность [17]. В. Д. Менделевич подразделяет нормы на правовые, нравственные и этические. При несоблюдении правовых норм предусмотрено наказание, а при несоблюдении нравственных и этических – общественное порицание [26]. Л. Б. Шнейдер считает, что норма – это поведенческие акты и действия, не создающие угрозу жизни, здоровью, имуществу и достоинству других людей. Так как норма является отвлеченным понятием и не встречается в чистом виде, «а всегда с некоторой примесью ненормальных форм» [39, с. 7], то, по мнению исследователя, невозможно обозначить точных границ между нормальным и ненормальным поведением. В связи с этим, Л. Б. Шнейдер предлагает различать следующие формы девиантного поведения:

1) кратковременные и случайные (обмолвки, описки, опьянение);

2) длительные и стойкие состояния (неврозы, психозы, душевные заболевания);

3) постоянные прижизненные дефекты поведения.

Таким образом, можно, с определенной долей условности, обозначить отдельные характеристики социальных норм. Во-первых, социальные нормы интернализируются [10; 38]; во-вторых, они культурно-исторически обусловлены и при их несоблюдении предполагается либо наказание, либо порицание [17; 26]; в-третьих, не существует нормы в чистом виде, поэтому, нормой считается массово-типовое поведение, а отклонение от норм – систематическое и неслучайное их нарушение [39].

Заметим, что отнесение девиантного поведения в подростковом возрасте в отдельную категорию обусловлено, прежде всего, возрастными психологическими особенностями, периодом «экзистенциальных состояний» [3, с. 47]. Так, в подростковом возрасте появляются новые группы интересов («эгодоминантная группа», «доминанта дали», «доминанта усилия», «доминанта романтики») [12]; перестраивается иерархия мотивов поведения, проявляющаяся в утрате самооценности отношений в семье [11; 13; 18; 27]; ведущей деятельностью становится интимно-личностное общение со сверстниками [12; 23; 27; 40]. Происходит расширение социальных связей, обусловленных потребностью в самоопределении, рефлексией, направленной и на собственную личность и деятельность, на сверстников [4; 18; 21; 27; 31]. По мнению А. С. Арсеньева, молодежная субкультура в целом старается противопоставить себя современной социальности, обособиться и от мира детства, и от мира взрослых [2]. Поэтому, при квалификации поведения в подростковом возрасте как девиантного, необходимо принимать во внимание факт того, что оно «должно существенно отличаться от массово-типового в подростковом поведении, а сами отклонения – быть длительными, устойчивыми и регулярно повторяющимися» [39, с. 9].

Ряд исследователей, кроме «пубертатного криза», проявляющегося в полярности и перепадах настроения, определяют следующие

причины поведенческих нарушений, связанные с эмоциональной сферой [3; 15; 17; 28]:

1. *Деадаптивные свойства личности на индивидуально-личностном уровне* (нарушения нормативно-правового сознания, неэффективная саморегуляция, отчуждение от культурной среды и др.).

2. *Положительное личное отношение к девиации*, яркие (пиковые) переживания в момент девиации, отрицание негативных последствий.

3. *Эмоциональный дискомфорт* вследствие противоречивости мотивов общения. Так, исследование Е. А. Белобрыкиной и О. А. Белобрыкиной показало, что подростки с отклоняющимся поведением в большей степени, чем подростки с социально-приемлемым поведением, испытывают страх быть отвергнутыми в группе. Это мешает удовлетворению их потребности в принятии, в общении с другими. «Такое противоречие мотивов закономерно порождает эмоциональный дискомфорт, внутреннюю напряженность, создает ощущение фрустрации и затрудняет поиск нормативных стратегий общения, вынуждая подростков использовать неадекватные методы взаимодействия с другими людьми» [3, с. 50]. В процессе общения подросткам с отклоняющимся поведением не свойственна и заинтересованность в социальном одобрении. В качестве причин отклоняющегося поведения отдельные авторы полагают утрату эмоционального комфорта в семье и школьном коллективе, что заставляет подростка искать компенсацию эмоциональной неудовлетворенности в досуговых товарищеских группах: изначально сплочения в такие группы позволяет избежать отрицательных эмоциональных переживаний, найти сочувствие. В дальнейшем общение с семьей и школьным коллективом становится менее эмоционально насыщенным или безразличным, повышается риск формирования или укрепления ранее сформированных в неблагополучной семье криминогенной ориентации, установок, взглядов [5; 11; 13; 19; 26].

4. *Накопленные к подростковому возрасту дефекты воспитания*, которые ведут за собой нарушения развития эмоциональной сфе-

ры (поверхностность чувств, их быстрое угасание, бедность эмоциональной жизни, депрессивные расстройства) [9; 15; 18; 39]. А. Л. Венгер считает, что хроническая неуспешность (в форме повышенной тревожности, к которой приводит постоянная негативная оценка деятельности со стороны социального окружения), складывающаяся в конце дошкольного или младшего школьного возраста, является основной причиной тотального регресса в подростковом возрасте, когда ребенок начинает испытывать стойкое чувство собственной неуспешности, повышенный депрессивный фон настроения, снижение самооценки, пессимистические представления о своем будущем; он отказывается от какой-либо активности, общения как со взрослыми, так и с ровесниками [9].

5. *Предрассудки*, имеющие эмоциональные корни и выражающиеся во враждебности, агрессии, в чувстве социального превосходства, а также помогающие скрыть неуверенность в собственных силах (например, предрассудки по отношению к взрослым людям или к представителям тех субкультур, в которые подросток не входит) [25].

6. *Наркологические заболевания*, которые вызывают девиантное поведение с агрессивными-деструктивными нарушениями делинквентной направленности (побеги, воровство, хулиганство, бродяжничество и др.), включая симптоматику эмоциональных расстройств, выражающуюся, в том числе, в депрессивном поведении [6; 8].

7. *Патологическое увлечение азартными играми*, которое негативно влияет на формирование адаптивных копинг-стратегий, возникающих в связи с эмоциональным напряжением [7].

8. *Агрессивность как черта формирующейся личности* в подростковом возрасте, которая состоит в разрядке аффекта. Агрессия, по мнению Л.Б. Шнейдер, возникает в состоянии фрустрации, но она не всегда заканчивается агрессивным актом. Соответственно, и агрессивное действие не всегда является результатом агрессивности как свойства личности: «не за всякими агрессивными действиями субъекта стоит агрессивность личности, с другой стороны, агрессивность человека не всегда проявляется в явно агрессивных действиях»

[39, с. 90–91]. Причинами агрессии могут выступать: а) как низкие показатели интеллектуального и социального развития (ограниченность ценностных ориентаций, узость интересов, рудиментарность нравственных форм поведения и др.), так и высокие показатели, но во втором случае агрессия служит средством поднятия престижа, демонстрации взрослости и самостоятельности [6; 19]; б) общая озлобленность и пониженное самоуважение как результат пережитых неудач и несправедливостей (например, плохие отметки в школе; нахождение в ситуации моббинга и т.п.) [3; 19]; в) следствия гиперопеки как невозможности свободно экспериментировать и отвечать за свои поступки [11; 13]. Упразднение личной моральной ответственности в группе, размывание роли каждого в совершении актов жестокости, а также укрепление чувства групповой солидарности от совместно совершаемого антисоциального действия повышают риск проявления агрессивного поведения [39].

Чувство безнадежности, как показывают исследования В. А. Розанова и А. А. Мидько (2012), может являться предиктором суицидальных проявлений. Чувство безнадежности не позволяет человеку сохранять уровень безопасности в новых ситуациях и стабильность эмоций, на что указывает связь данного чувства с низкими значениями пластичности и стабильности – метафакторов методики big five у суицидентов: «Низкие значения пластичности и стабильности (и, возможно, активности соответствующих им нейротрансмиттерных систем) могут указывать на специфический «дефект» в структуре адаптационных ресурсов таких людей, низкие потенциальные возможности приспособления к жизненным трудностям» [32, с. 40].

Предшествует суицидальному поведению, по мнению О. А. Сагалаковой и Д. В. Труевцева, антивитальное поведение, которое формируется при тотальной социальной тревоге. Инициация антивитального поведения начинается с *антивитальных переживаний*, которые выражаются в невозможности удовлетворения социальных потребностей и связаны с потерей смысла жизни, обесцениванием её значимости. На фоне антивитальных переживаний актуализируются *антиви-*

тальные поступки – это второй этап антивитального поведения, характеризующийся действиями, направленными на снижение напряжения в системе регуляции деятельности [33]. Данный этап связан с тем, что происходит постепенное накопление напряжения в системе регуляции негативного аффекта при отсутствии адаптивных средств его разрядки, способов организации, овладения эмоциями и поведением. Следующий этап – *суицидальная деятельность*, когда для снятия напряжения начинают использоваться парасуицидальные средства, затем – истинно-суицидальные (мотив – лишение себя жизни). Исследование авторов показало, что при выраженных показателях социальной тревоги произвольная регуляция эмоций снижена, особенно в значимых социальных ситуациях оценивания (отказ, отвержение в подростковой группе). Ими выявлено, что максимально значимыми факторами антивитальности/жизнестойкости выступают: 1) антивитальные переживания (заброшенность, потеря жизненной перспективы, смысла); 2) затруднения в социальных контактах, их избегание; 3) страх осмеяния и антиципация угрозы, чувство беспомощности при неудаче.

На активность и успешность самореализации подростка в обществе влияет степень его эмоционального благополучия. Так, М. Ю. Бондарева и Е. Н. Ткач обозначили несколько типов субъективного переживания благополучия: 1) *эмоциональная благополучность*, которая характеризуется наличием положительных и отрицательных переживаний, осознанием этих переживаний; наличием умеренного внутреннего локус-контроля, онтогенетической рефлексии (анализ прошлых ошибок, успешного и неуспешного опыта жизнедеятельности); 2) *эмоциональная нейтральность*, характеризующаяся позитивным эмоциональным фоном, отсутствием адекватной рефлексии прошлого опыта, когда «подросток принимает себя и других, в целом он доволен своей жизненной ситуацией, чувствует себя эмоционально удобно и комфортно, испытывает внутреннее удовлетворение от собственного выбора» [5, с. 105]. С другой стороны, по мнению исследователей, преобладание позитивного эмоционального фона мо-

жет быть защитным, а поверхностность чувств при возникновении трудных жизненных ситуаций может привести к личностной деструкции установок и мировоззрения; 3) *эмоциональная неблагополучность*, характеризующаяся рефлексивностью при актуальности гнева и печали, что вызывает недовольство собой, желание избавиться от негативных переживаний. «Главной задачей такого подростка становится осознанный уход от фрустрирующих эмоциональных состояний. Это отражается на всех сферах его взаимодействия с социумом» [5, с. 108]. По мнению авторов, у подростков данной группы гнев является защитной реакцией от негативных переживаний и эмоционального дискомфорта. Результаты их исследования свидетельствуют, что «сама по себе эмоция радости не является показателем субъективного переживания эмоционального благополучия» [5, с. 107]. Другими словами, на субъективное переживание эмоционального благополучия подростка влияет рефлексия по поводу пережитого опыта, принятие или его отрицание, а определяющими факторами, влияющими на переживание эмоционального благополучия, являются социальные условия и образовательная среда (школа, детский дом, реабилитационный центр).

В целом, для подростков с саморазрушающим поведением, по мнению А. Н. Алёхина и Н. Н. Королёвой (2015), свойственны специфические эмоциональные отношения в структуре образа мира: они имеют отрицательную эмоциональную окраску образа мира; для них характерно более негативное (по сравнению с подростками с просоциальным поведением) самоотношение, готовность обвинять себя и искать внешние причины собственных неудач, негативно относиться к собственной жизни. Отношения с родителями воспринимаются ими как конфликтные, преобладает позиция отчуждения. У этой категории подростков более выражено нейтральное отношение к собственному будущему, его бесперспективность, они не стремятся подражать авторитетным взрослым, в целом негативно оценивают людей, значимых для большинства их сверстников. По мнению авторов, у подростков с саморазрушающим поведением отмечается негатив-

ное отношение к закону, причем правонарушение вызывает у них в большей мере нейтральное эмоциональное отношение. Примечательно, что отношение к сверстникам, у данной категории подростков более позитивное, чем у подростков с просоциальным поведением. Данный факт, по мысли исследователей, связан с преобладанием у девиантных подростков «реакции группирования» [1, с. 96]. Отношения с противоположным полом воспринимаются ими как комфортные, придающие смысл, поддерживающие. Для подростков, чье поведение считается социально приемлемым, отношения со сверстниками, напротив, носят более напряженный и конфликтный характер, связанный с проблемой становления идентичности, хотя отношения не становятся сверхценностью, что и проявляется в более осознанном и открытом проявлении негативных эмоций в сфере межличностного общения. Схожие результаты получены в исследовании Е. В. Салогуб, где также отмечается, что у подростков с девиантным поведением уровень развития адаптивных способностей ниже, чем у подростков с нормативным поведением [34]. Кроме того, для подростков с девиантным поведением характерен низкий уровень развития коммуникативных способностей, высокий уровень суицидального риска и дуализм чувств (с одной стороны, доминирование приподнятого настроения, с другой – стойкие депрессивные мысли).

По мнению Г. Н. Тигунцевой, подростки с делинквентным поведением обладают качествами и свойствами, способствующими возникновению затруднений, существенно искажающих коммуникационные процессы. Так, факторный анализ показал, что у делинквентных подростков: 1) потребность в общении реализуется в основном через неадаптивные стратегии преодоления – манипуляцию, асоциальные действия и агрессивные действия (фактор «искаженная коммуникация»); 2) преобладает нарушенный характер коммуникации, который определяется взаимовлиянием и взаимоусилением проявлений асоциального поведения и деструктивных взаимоотношений с окружающими, чем определяется явная склонность подростков к криминальному поведению (фактор «асоциальное поведение»);

3) доминирует демонстрация изначально позитивных стратегий (вступление в социальных контакт, поиск социальной поддержки), однако, в реальной коммуникации им свойственна склонность к коммуникационной «закрытости», ригидности, осторожности (фактор «противоречивая коммуникация»); 4) выражена потребность в сопереживании, понимании, поддержке и ожидание инициативы контактов со стороны окружающих, и одновременно с этим, отсутствие собственной инициативы (пассивность, ригидность, осторожность) в установлении позитивных взаимоотношений даже с ближайшим окружением (фактор «противоречивые коммуникативные потребности») [37].

В. А. Ясная в исследовании искажений формирования идентичности у подростков с отклоняющимся поведением выявила, что им свойственна особенность временной идентичности, названная автором «отложенной социальностью» [41, с. 5]. С одной стороны, у них сформированы представления о социальных нормах, тогда как с другой, – они откладывают воплощение этих представлений в жизнь. По данным автора, подростки с девиантным поведением среди умений чаще указывали спортивные или трудовые навыки, реже – социальные (умения понимать, заботиться, поддерживать). Исследователем также отмечается, что у девиантных подростков выше тревога и негативные ожидания от будущего. У них, по сравнению с их сверстниками, демонстрирующими социально нормативное поведение, чаще фиксируется отрицание страха как такового и одновременное наличие страха потери рассудка, одиночества, неудачи, низкого статуса, страха смерти, тогда как их представления о будущем менее реалистичны и дифференцированы. Кроме того, у данной категории подростков отмечается усиленное подчеркивание просоциальных характеристик своего образа и завышенной самооценки, акцентирование своей незаурядности.

Детерминантами поведенческих отклонений могут служить аффективные расстройства личности, к числу которых относится алекситимия, проявляющаяся в нарушении способности вербализировать эмоции и сложности в дифференциации социальных эмоций, сниже-

нии эмпатийной способности [22; 29; 36]. Причинами алекситимии могут выступать физиологические нарушения функциональной связи между правым и левым полушарием [22], особенности психологической саморегуляции (например, волевая инфантильность, несформированность потребности в саморегуляции, неусвоенные в детстве средства рефлексии и т.п.) [29]. С другой стороны, возникновению алекситимии может способствовать стрессовое состояние человека и, как показало исследование О. И. Сперанской, В. К. Смирнова и др., выраженность алекситимических черт наблюдается у лиц, имеющих высокий уровень патологического влечения к табакокурению [36]. Так как в подростковом возрасте общая биологическая, психологическая и социальная незрелость является основанием своеобразия клинических характеристик наркологических заболеваний, то употребление алкоголя, наркотиков и курение табака также может выступать причинами алекситимии в подростковом возрасте. «Раннее употребление ПАВ, взаимодействуя с процессами возрастного созревания мозга, с этапами общего и психического онтогенеза, приводит к нарушению индивидуального развития – дизонтогенезу, который разворачивается по типу поврежденного психического развития» [8, с. 41]. Как видим, нарушение способности вербализировать эмоции, проявлять эмпатию, дифференцировать чувства, характерные для подростков с девиантным поведением, значительно повышают риск развития у них алекситимических проявлений [8; 22; 29; 36].

Таким образом, в обобщенной форме социально-психологический профиль подростков с девиантным поведением имеет следующий вид. Они:

- 1) обладают неэффективной саморегуляцией и непродуктивными способами взаимодействия с окружающими людьми вследствие депривации потребности в принятии, наличия повышенного страха быть отверженным в группе ровесников [1; 3; 17; 34],

- 2) имеют положительное эмоциональное отношение к девиациям [17], которое сформировалось в связи с утратой эмоционального комфорта в семье или школьном коллективе [2; 19];

3) повышено агрессивны в связи с тем, что разрядка аффекта происходит через агрессивные акты из-за низкого социального развития, пережитых неудач, родительской гиперопеки [6; 39];

4) эмоционально безразличны или эмоционально неблагополучны в связи с либо отсутствием адекватной рефлексии и поверхностностью чувств, либо повышенной рефлексией в фрустрирующих ситуациях, и, как следствие, попытками избавиться от негативных чувств с помощью неадекватного взаимодействия (через гнев) с окружающими [5];

5) не испытывают напряженности, связанной со становлением идентичности (личностной, социальной, половой и др.), общением с противоположным полом, тогда как интимно-личностные отношения с ровесниками для них становятся сверхценными [1; 34; 41];

б) коммуникативно «закрыты», осторожны в общении, имеют низкий уровень коммуникативных способностей [37].

Следует, однако, отметить, что при общей типичности профиля, он обладает определенной степенью условности, а, значит, каждый конкретный случай, каждая ситуация взаимодействия (психолога, педагога, социального работника и др.) с девиантным подростком предполагает индивидуальный подход и принятие строго дифференцированного решения. В любом случае прогностические возможности социально-психологического профиля достаточно высоки при организации работы специалистов с девиантными подростками. Являясь поисково-реконструктивным методом, основанном на личностно-поведенческом анализе и ориентированным на выявление индивидуальных признаков и особенностей личности, обобщенный профиль позволяет осуществить вероятностное обозначение социально-психологических характеристик подростка, значимых для своевременного предупреждения и/или коррекции возможных поведенческих нарушений.

Список литературы

1. Алёхин А. Н., Королёва Н. Н. Эмоционально-оценочные составляющие образа мира подростков с саморазрушающим поведением // Вестник Псковско-

го государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2015. № 1. С. 90–98.

2. Арсеньев А. С. Подросток глазами философа: из одноименной книги / извл. и ред. Л. Кожуриной. М.: Чистые пруды, 2009. 32 с.

3. Белобрыкина Е. А., Белобрыкина О. А. Специфика мотивации общения подростков с отклоняющимся поведением // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 2. С. 47–58.

4. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.

5. Бондарева М. Ю., Ткач Е. Н. Особенности субъективного переживания эмоционального благополучия в подростковом возрасте // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2014. № 3 (34). С. 97–109.

6. Буторин Г. Г., Буторина Н. Е. К проблеме агрессивного поведения в детско-подростковом возрасте // Суицидология. 2011. Т. 3, № 2. С. 18–19.

7. Буторин Г. Г., Буторина Н. Е., Бенько Л. А. Формирование копинг-стратегий у подростков при гемблинге // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2009. № 1 (52). С. 90–93.

8. Буторина Н. Е., Макаров С. А., Буторин Г. Г. Многоосевая система классификации болезней и диагностика наркологических заболеваний у детей и подростков // Вопросы наркологии. 2002. № 2. С. 38–42.

9. Венгер А. Л. На что жалуетесь? Выявление и коррекция неблагоприятных вариантов развития личности детей и подростков. М.-Рига: Эксперимент, 2000. 179 с.

10. Вержибок Г. В. Ценностная система современной молодежи в условиях социальных изменений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, Вып. 2. С. 63–69.

11. Вержибок Г. В. Семейные ценности студенческой молодежи как матрица построения будущего // Южно-Российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 3. С. 75–95.

12. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4: Детская психология / под ред. Д. Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. 432 с.

13. Заширинская О. В. Семья и ребенок с трудностями в обучении: монография. СПб.: Речь, 2010. 214 с.

14. Заширинская О. В. Концептуальные представления о структуре общения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2013. № 4. С. 89–98.

15. Заширинская О. В. Эмоциональный компонент невербальной коммуникации // Психология мотивации: прошлое, настоящее, будущее: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию доктора психологических наук, почетного профессора НГПУ В. Г. Леонтьева / под ред. О. А. Белобрыкиной, Н. Я. Большуновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 156–164.
16. Зейгарник Б. В. Патопсихология: основы клинической диагностики и практики. М.: Эксмо, 2010. 368 с.
17. Змановская Е. В., Рыбников В. Ю. Девиантное поведение личности и группы. СПб.: Питер, 2010. 352 с.
18. Кошенова М. И. «Проблемные зоны» сохранения психологического и социального здоровья школьников в период подростничества // Инновации в медицине, психологии и педагогике: материалы VII Международной научно-практической конференции / под науч. ред. М. Г. Чухровой, О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Немо Пресс, 2016. С. 229–234.
19. Кошенова М. И., Ялунина Е. Г. Социально-психологические причины девиантного поведения старших подростков // Современная реальность в социально-психологическом контексте: сборник научных материалов / под науч. ред. О. А. Белобрыкиной, М. И. Кошеновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. С. 217–225.
20. Кошенова М. И. Уровень интеллектуального развития как предиктор формы девиантного поведения подростков [Электронный ресурс] // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2018. № 2. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36462798> (дата обращения: 16.12.2018).
21. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб.: Питер, 2008. 940 с.
22. Кристал Г. Интеграция и самоисцеление. Аффект, травма и алекситимия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. 800 с.
23. Лисина М. И. Формирование личности ребенка в общении. СПб.: Питер, 2009. 320 с.
24. Лучков В. В., Рокитянский В. Р. Понятие нормы в психологии // Вестник МГУ. Серия 14: Психология. 1987. № 2. С. 46–59.
25. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 512 с.
26. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения: учебное пособие. СПб.: Речь, 2005. 445 с.
27. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: учебник для студ. вузов. М.: Академия, 2002. 456 с.

28. Налчаджян А. А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. М.: Эксмо, 2009. 368 с.
29. Николаева В. В. О психологической природе алекситимии [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Ломоносов». 2000. URL: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1155658> (дата обращения: 22.09.2018).
30. Ожегов С. И. Словарь русского языка /Под ред. И. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1987. 750 с.
31. Райс Ф., Долджин К. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2010. 816 с.
32. Розанов В. А., Мидько А. А. Метафакторы big five и феномен безнадежности в предикции суицидальности // Суицидология. 2012. Т. 3, № 2 (7). С. 33–42.
33. Сагалакова О. А., Труевцев Д. В. Нарушение произвольной регуляции психической деятельности при социальной тревоге в контексте формирования антивиталяного и суицидального поведения // Инновации в науке: сб. ст. по матер. XLIX междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2015. С. 93–101.
34. Салогуб Е. В. Особенности эмоциональной сферы, влияющие на эффективность адаптации как показатели психологической культуры личности // Категория «социального» в современной педагогике и психологии: материалы научно-практической конференции (заочной) с международным участием (19–20 декабря 2013 г.) / отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск: SIMJET, 2013. С. 246–252.
35. Слободчиков В. И. Норма в психологии развития [Электронный ресурс] // Школьный психолог. 2007. № 3. URL: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200700308> (дата обращения: 26.07.2018).
36. Феномен алекситимии у лиц с табачной зависимостью / О. И. Сперанская, В. К. Смирнов, К. А. Богданов и др. // Научно-практический журнал «Наркология». 2012. № 8. С. 67–71.
37. Тигунцева Г. Н. Результаты эмпирического исследования особенностей коммуникативных процессов делинквентных подростков (на основе корреляционного и факторного анализа) [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 4. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/506> (дата обращения: 26.07.2018).
38. Чернов А. Ю. Теоретические подходы к социальным нормам как основа для изучения социально-возрастных норм // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 3. С. 148–153.

39. Шнейдер Л. Б. Психология подростковой девиантности и аддиктивности: учебно-методическое пособие для студентов, изучающих дисциплину «Психология девиантного поведения и аддиктивного поведения». М.: Изд-во МПСУ, 2016. 300 с.

40. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

41. Ясная В. А. Искажения идентичности у подростков с отклоняющимся поведением // Психология и право. 2013. № 4. С. 121–131.

2.4. От школьного буллинга к кибербуллингу: новая опасность в виртуальном пространстве

Жизнь современного человека существенно отличается от прошлых поколений, и одно из главных отличий состоит в высоких темпах изменений и степени открытости. Человечество вошло в эпоху «Турбулентного времени», когда изменения происходят невероятно быстро, а их результат не всегда поддается прогнозированию или приводит к неожиданным последствиям. Важным шагом для формирования этого «Быстрого мира» было формирование принципиально новых форм коммуникации. Информационная революция 1970-х годов стала основой для создания информационно-коммуникативных технологий, которые стали не только технологически развиваться, но становиться доступнее для пользователей. Общая доля пользователей Глобальной сети в России по данным ВЦИОМ на начало 2018 года составляет 81 % [11]. Кроме того, как демонстрируют данные ВЦИОМ, по состоянию на 2018 год, 62 % респондентов используют Интернет практически ежедневно, в то время как в 2011 году таких было всего 28 % [5]. При этом не только развитие Интернет-технологий приводит к росту числа пользователей, но и бурное распространение различных мобильных устройств дает возможность включиться в Виртуальное пространство [7]. Причем их постоянное присутствие в жизни человека буквально «опутывает» его постоянными звонками, тек-

стовыми сообщениями, уведомлениями, становясь неотъемлемой частью жизни.

Разумно предположить, что в наибольшей степени в Глобальную сеть включаются молодые люди, которые используют её как для поиска информации, так и для построения коммуникации. Более того, исследователи отмечают, что процесс социализации начинает перемещаться в Интернет-пространство [8; 9]. Возникновение различных виртуальных платформ дало возможность для быстрого и удобного взаимодействия: знакомств, общения, освоения различных социальных ролей, формирования дружеских отношений [13]. Виртуальное общение стало не только дополнением к реальному, но в некоторых случаях и альтернативой его. Информационные технологии стерли границы и расстояния, человек получил возможность общаться с любым, кто имеет доступ к Глобальной сети из любой точки планеты. Вместе с практиками поведения и коммуникации в виртуальное пространство переходят и разного рода девиации и аддикции.

В условиях высокой информатизации ученики школ активно включаются в виртуальное пространство, становясь частью новой коммуникационной среды. Одной из важнейших и наиболее обсуждаемых проблем среди них является кибербуллинг. Данная форма девиантного поведения характеризуется травлей и преследованием не в физическом, а в виртуальном пространстве, с использованием возможности оставаться анонимным [3; 10]. Кибер-травля в Интернете стала распространенным явлением, которое в наибольшей степени проявляется в странах с высоким уровнем проникновения и развития Интернета. Феномен кибербуллинга можно встретить в различных социальных средах, однако подавляющее большинство случаев приходится на подростковую среду и связано с буллингом в школе [6; 10; 12].

Дети, которые стали жертвами кибербуллинга, как правило, подвергались травле уже ранее в реальной жизни. Школьная травля – сложная и многоаспектная проблема, в которую включены жертвы, преследователи, есть определенное взаимодействие между ними, а также позиции по отношению к происходящему со стороны окру-

жающих. В большинстве случаев основной удар приходится на детей, которые выделяются своими внешним видом и имиджем, репутацией, социальным происхождением. «Основной возраст жертв приходится на 11-16 лет, когда особенно чувствительно воспринимаются оскорбления, социальные неудачи и слухи» [2, с. 65].

Ряд авторов при изучении киберагрессии обращают внимание на эффект онлайн-расторженности, который возникает у подростков и проявляется в изменении поведения в онлайн-среде. Дж. Сулер обозначил факторы, которые способствуют данному эффекту: диссоциативная анонимность, невидимость, асинхронность, солипсическая интроекция, диссоциативное воображение, минимизация власти [цит. по 1].

В связи с обозначенной проблемой было проведено два анкетных опроса: «Новые формы девиантного поведения в школе: кибербуллинг» (март 2017 г.) и «Новые формы проявления кибербуллинга в социальных сетях: на примере феномена «Сообществ смерти» (март 2018 г.). В первом случае, были опрошены школьники, обучающиеся в 8-11 классах, студенты средних профессиональных учреждений и первого курса вузов города Нижнего Новгорода. Всего в анкетировании приняли участие 300 респондентов. Во втором случае в анкетировании приняли участие 362 ученика 5-11 классов школ Нижнего Новгорода.

В ходе исследований 2017 и 2018 годов респондентам были заданы вопросы о различных проявлениях девиантного поведения среди учеников их учебных заведений и по отношению к ним самим, а также о том, где подобные случаи происходили. В рамках научной этики факты травли и преследования получили в инструментарии общее название – «недоброжелательные отношения». Так, по результатам опросов выявлено, что 88% учеников сталкивались со случаями недоброжелательного поведения в отношении других учеников в своем учебном заведении. Этот процент является достаточно высоким, что указывает на актуальность и обоснованность наличия проблемы школьного девиантного поведения. Далее вопросы касались проявле-

ния конкретных форм этого типа поведения среди учеников друг к другу. В Таблице 1 представлены наиболее информативные данные.

Полученные результаты свидетельствуют, что самой популярной формой недоброжелательного отношения среди школьников является словесная форма – оскорбления. Это связано с тем, что на словах ребенку зачастую легче выместить какую-либо свою неприязнь к человеку, чем совершить действие в отношении другого. Кроме того, за словесную форму можно получить не такое суровое наказание, как за поступок, связанный с физическим насилием (25 % – 2017 г.; 28 % – 2018 г.) или порчей и кражей имущества (24 % – 2017 г.; 23 % – 2018 г.), хотя, как мы видим, четверть респондентов отмечают обе эти модели девиантного поведения.

Таблица 1

Основные формы недоброжелательного отношения в школе
(в % отношении)

2017		2018	
Обзывали, оскорбляли	69	Обзывали, оскорбляли	75
Дразнили	67	Дразнили	60
Распускали неприятные слухи	58	Игнорировали (не общались)	57
Игнорировали (не общались)	57	Ругали нецензурными слова	57
Ругали нецензурными словами	54	Распускали неприятные слухи	55

Можно отметить небольшое отличие между данными исследований 2017 и 2018 годов – повысился процент оскорблений (на 6 %) и использования нецензурной лексики (на 3%), что, может быть обусловлено как статистической погрешностью, так и изменениями в практике недоброжелательного отношения между учениками (рис. 1).

В контексте рассматриваемой проблематики большое значение приобретает то пространство, в котором происходит недоброжелательное отношение между школьниками. Так, основным местом для его проявления является школьный класс – 50 %, однако уже сейчас

Интернет-пространство занимает второе место – 30 % (Таблица № 2). Примечательно, что в школьном пространстве подобные факты могут либо игнорироваться субъектами образовательного пространства, либо быть скрытыми от сторонних наблюдателей, вследствие чего о кибербуллинге будет известно лишь жертве и преследователю.

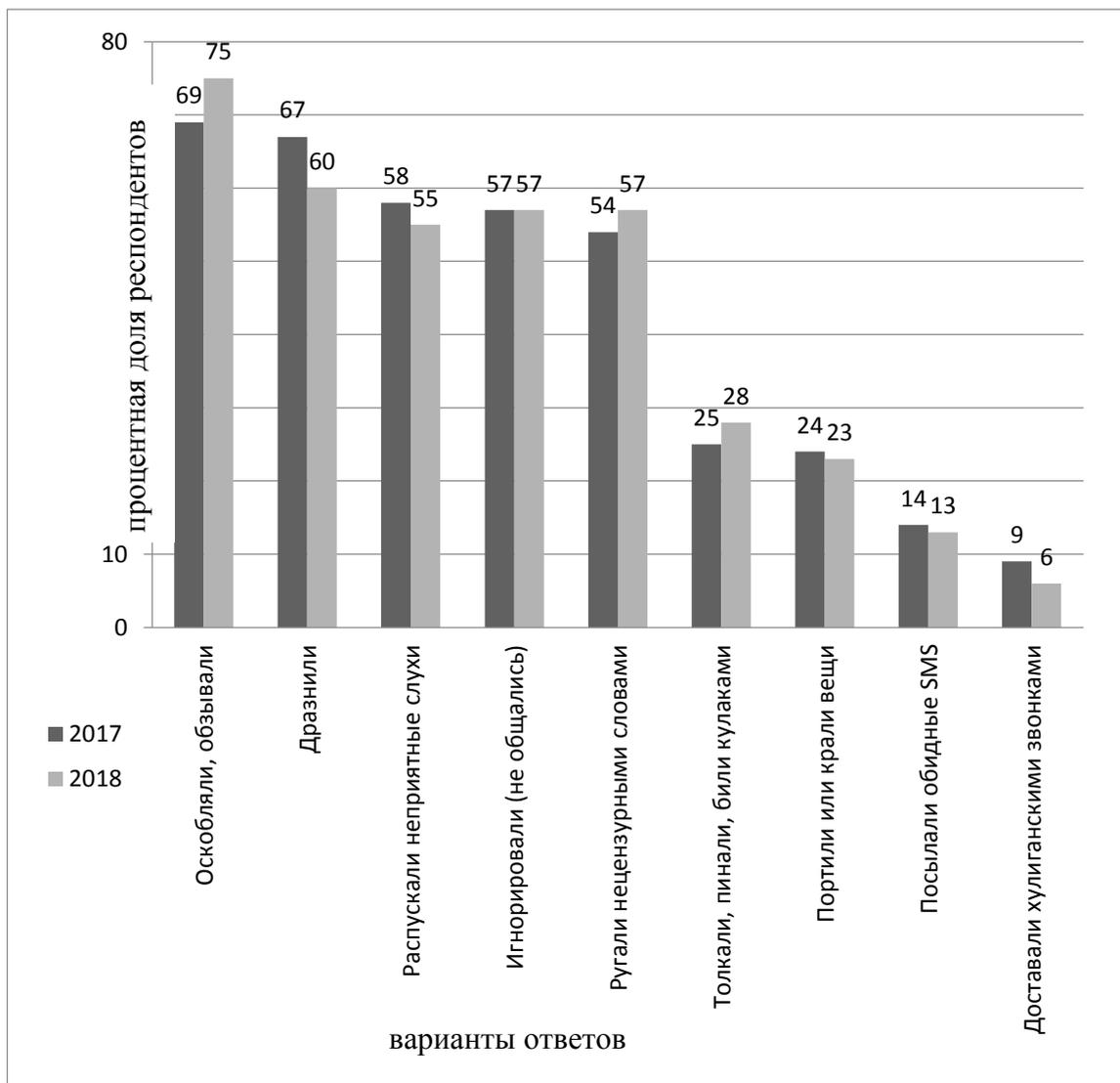

Рис. 1. Диаграмма распределения процентной доли ответов респондентов на вопрос анкеты «Какие виды недоброжелательного отношения Вы видели?»

Основные места, где наблюдается недоброжелательное отношение к друг
к другу (в % отношении)

	2017	2018
В классе	50	50
В сети Интернет	30	30
Около школы	14	19
В туалете	6	1

Кроме вопросов о проявлении различных форм недоброжелательного отношения между другими учениками школы, в которой учатся респонденты, в отдельный блок были выделены вопросы о том, сталкивался ли он сам с подобным в отношении себя. Так, данные 2017 года демонстрируют, что респонденты достаточно часто сталкиваются с недоброжелательным поведением в отношении себя. 58% респондентов отметили, что подвергаются обидам со стороны других чаще одного раза в неделю, т.е. достаточно часто, в то время как 6% сталкиваются с этим ежедневно. В 2018 году картина совсем иная – лишь 3% чаще, чем один раз в неделю были подвергнуты недоброжелательному отношению со стороны сверстников, тогда как 46% опрошенных сталкивались с недоброжелательным отношением в школьной среде периодически (рис. 2), а число тех, кто сталкивался с ним ежедневно составило уже 15%.

Исходя из полученных данных, впервые недоброжелательному отношению со стороны сверстников дети подверглись в возрасте 6-9 лет (50 %) и в возрасте 10-12 лет (28 %).

Анализируя данные о том, с какими формами недоброжелательного отношения сталкивались сами респонденты, что так же, как и в случае стороннего наблюдателя, ими были обозначены словесные оскорбления (дразнили, обзывали). Вместе с тем следует указать, что здесь доля подобных проблем ниже, чем в случаях, когда ре-

спондент отмечал подобные проявления девиантного поведения в отношении других учеников (Таблица 3). Кроме того, по данным 2017 года 80 % учеников утверждают, что подверглись обидам со стороны сверстников в Интернете, в то время как 30 % ощущали на себе недоброжелательное отношение только в классе. В 2018 году наблюдается изменение тенденции – теперь 71 % опрошенных испытывали недоброжелательное отношение к себе в классе и лишь 18 % столкнулись с недоброжелательным отношением в Интернете. Вероятно, подобный спад случаев кибербуллинга можно объяснить ужесточением мер безопасности в социальных сетях, обусловленных, в частности, блокировкой пользователей и деятельной политикой администраторов групп с большим количеством участников, которая связана, например, с блокировкой пользователя в группе за грубый комментарий и удалением самого комментария.

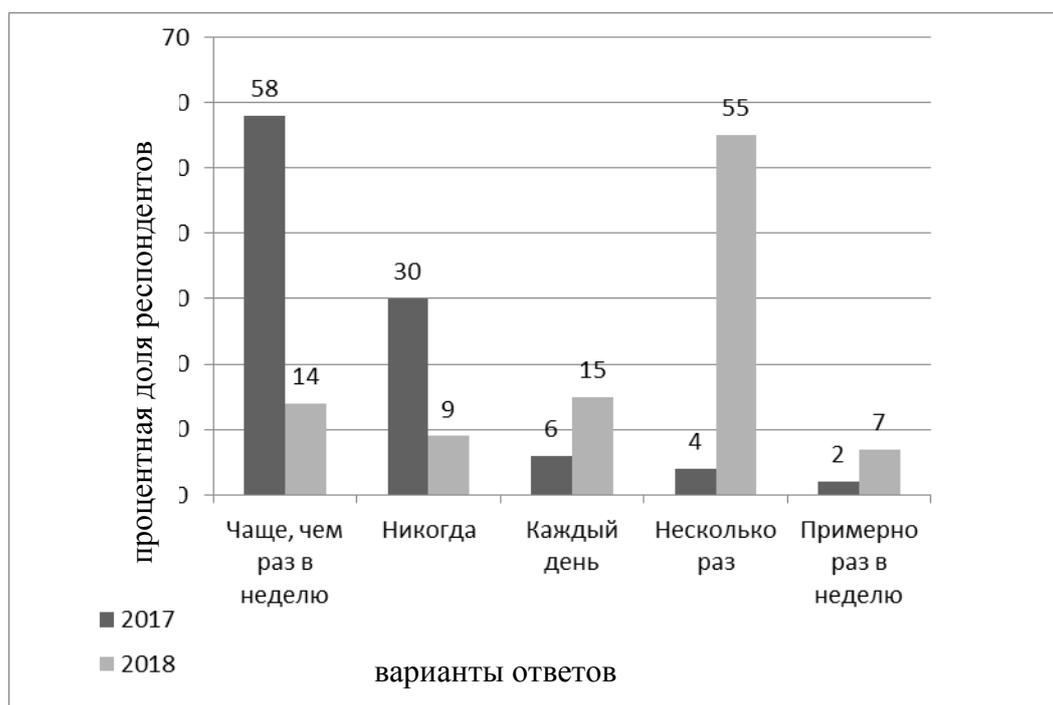

Рис. 2. Диаграмма распределения процентной доли ответов респондентов на вопрос анкеты «Как часто Вы видели недоброжелательное отношение к кому-нибудь в школьной среде?»

Таблица 3

Основные формы недоброжелательного отношения, которые испытывал на себе респондент (в % отношении)

2017		2018	
Дразнили	45	Обзывали, оскорбляли	38
Обзывали, оскорбляли	39	Дразнили	36
Распускали неприятные слухи	30	Распускали неприятные слухи	22
Игнорировали (не общались)	23	Ругали нецензурными словами	21

Следует отметить, что процент тех, кто оказался жертвами травли в Интернете, по результатам исследования 2017 года, достаточно высок. Это свидетельствует о том, что различные виды недоброжелательного обращения перемещаются в социальные сети. Вероятнее всего, это объясняется тем, что оскорбления, слухи и другие возможные практики не предполагают в сети личного контакта и взаимодействия. Зачастую они могут проявляться в анонимной форме, что усложняет определение и наказание обидчика.

При оскорблении и преследовании в сети агрессор не может видеть эмоциональные реакции жертвы лично, что лишь добавляет поводы агрессору продолжить травлю в дальнейшем. Анонимность агрессора и нежелание привлечь внимание к своей проблеме со стороны жертвы лишь усиливает чувство безнаказанности и делает травлю в Интернете более привлекательной.

Если первоначально Министерство образования США проводило массовые кампании по борьбе с кибербуллингом, привлекая крупнейшие социальные сервисы – MySpace, FaceBook, Bebo, YouTube и операторов мобильной связи [4], то теперь развитие технологий, направленных на препятствование подобным случаям, привело к тому, что нейросети позволяют администрации социальных сетей и различных сервисов быстро и эффективно пресекать подобные случаи. Кроме того, появляются функции, когда пользователь может сам

препятствовать девиантным проявлениям в отношении себя, направляя жалобы администрации, удаляя сообщения, или при помощи занесения агрессора в «Черный список». В сети жертва получает инструменты для того, чтобы дать отпор, в то время как в реальной жизни это, по-прежнему, остается достаточно сложным.

Подводя краткий итог, важно отметить, что агрессия в школьной среде выходит на новый уровень и увеличивает площадки распространения агрессивных форм поведения. Для всестороннего понимания данной проблемы следует учитывать множество факторов.

С появлением современных форм общения, интернет-площадка становится опасным местом для школьника, особенно для того ребенка, который оказался по каким-то причинам изгоем в своем классе и школе. Пытаясь «спастись» от насилия со стороны одноклассников, он ищет себя в различных сообществах, в компании других детей, которые могут стать жертвами напуганных и набирающих оборот «групп смерти».

Особенность кибербуллинга состоит в том, что насилие со стороны одноклассников из пространства класса может перейти уже в социальные сети, где ребенок может получить еще большую травму и приумножить свои проблемы с одноклассниками. Учитывая, что в настоящее время наблюдается, так называемая, «демонизация» технологий и Интернет-пространства, то принятие конкретного решения остается за самим человеком, так как только он сам сможет оградить себя от нападков, соблюдая необходимые меры предосторожности. Соответственно, первоочередная задача тех, кто ответственен за настоящее и будущее подрастающего поколения, состоит не столько в попытке оградить молодых людей и вообще человека от Интернет-пространства путем запретов и цензуры, сколько в научении их экологичному поведению в виртуальном пространстве.

Список литературы

1. Арькова И. В., Голубовская А. С., Погорелова Е. И. Психологические особенности подростков, включенных в ситуацию кибербуллинга // Северо-Кавказский психологический вестник. 2016. № 14. С. 47–53.

2. Баранов А. А., Рожина С. В. Кибербуллинг – новая форма угрозы безопасности личности подростка // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2015. № 11. С. 62–66.

3. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий [Электронный ресурс] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 3. С. 177–191. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-travlya-v-prostranstve-sovremennyh-tehnologiy> (дата обращения: 08.11.2018).

4. Ефимова Е. С. Кибербуллинг как проблема психопедагогики виртуальных сред [Электронный ресурс] // Успехи в химии и химические технологии. 2014. Т. XXVIII, № 7. С. 65–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-kak-problema-psihipedagogiki-virtualnyh-sred> (дата обращения: 08.11.2018).

5. Жизнь в Интернете и без него [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/mass-media/internet/article/zhizn-v-internete-i-bez-nego.html> (дата обращения: 10.10.2018).

6. Иванько Ю. Ю., Белобрыкина О. А. Психологический моббинг в образовательном учреждении: причины и следствие // Проблемы развития: наследственность и среда: материалы X Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Актуальные проблемы специальной психологии в образовании». Новосибирск: НГУЭУ – НИИХ, 2011. С. 87–96.

7. Интернет: новая эра мобильных устройств [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/mass-media/internet/article/internet-novaja-ehra-mobilnykh-ustroistv.html> (дата обращения: 06.10.2018).

8. Кондрашкин А. В., Хломов К. Д. Девиантное поведение подростков и Интернет: изменение социальной ситуации [Электронный ресурс] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 9 (3). С. 102–113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deviantnoe-povedenie-podrostkov-kak-problema-sotsialnoy-adaptatsii-2> (дата обращения: 02.12.2018).

9. Кошенова М. И. Информационная культура как новая матрица онтогенетического развития // Психологическое здоровье как условие самореализации личности: материалы научно-практической конференции, 28–29 ноября 2007 г. / под ред. М. И. Кошеновой, В. М. Физикова; отв. за вып. Я. В. Клинг. Омск: ОмГПУ, 2008. С. 143–152.

10. Кошенова М. И. Моббинг как маркер системного неблагополучия современного российского общества?... // Журавлев А. Л., Емельянова Т. П., и др.

Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное: монография / под науч. ред. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. С. 53–69.

11. Просторы Интернета: для работы или развлечений? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/mass-media/internet/article/prostory-interneta-dlja-raboty-ili-razvlechenii.html> (дата обращения: 18.11.2018).

12. Слюсарев В. В., Кутырев В. А. Социокультурная безопасность в условиях глобального информационного хаоса // Россия в многоверкторном мире: национальная безопасность, вызовы и ответы: материалы международной междисциплинарной научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2017. С. 62–64.

13. Щекотуров А. В. Net-дружба в структуре конструирования виртуальной идентичности подростков [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 3 (1). С. 441–445. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/net-druzhiba-v-strukture-konstruirovaniya-virtualnoy-identichnosti-podrostkov> (дата обращения: 08.10.18).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Все многообразие общественных трансформаций, происходящих в современном обществе, закономерно влияет на динамику и содержание социальных и личностных приоритетов, не только внося соответствующие коррективы, но и расширяя зоны возникновения рисков практически во всех сферах жизни и деятельности как человеческого сообщества в целом, так и отдельного человека. Наука, чутко реагируя на эти изменения, не может, да и не имеет морального права, оставаться равнодушной, так как от степени понимания и поиска продуктивных способов разрешения насущных проблем зависит жизнеспособность и общества, и личности.

Основное внимание в работе сосредоточено на социально-психологическом анализе общественных и личностных детерминант дефицитарного или угрожающего психологической безопасности развития и на поисках вариантов превенции деструктивной реализации личности, особенно в ситуации неэффективного социального контроля.

Одной из таких детерминант выступает девиантогенность современного общества, которая констатируется практически всеми исследователями. По мысли Н. Лумана, сама «реальность является девиантной». Причем, социокультурные перспективы многие ученые видят далеко не позитивными. По мысли К. Самнера, «девиантность – будущее современности», а П. Хиггинс и Р. Батлер полагают, что «феномен девиации – это интегральное будущее общества». Вместе с тем, как полагает Я. И. Гилинский, девиантность представляет собой механизм социальных изменений и развития общества.⁷

Подводя краткий итог, отметим, что авторы работ, включенных в монографию, вполне критически относятся к представляемому материалу, понимая и некоторый субъективизм, вполне допустимый

⁷ Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 520 с.

в области общественных наук, и достаточно ограниченный спектр затронутых проблем, ждущих решения и своих исследователей, и релятивность многих социальных конструкций (таких, как «девиации», «аддикции», «терроризм», «наркотизм», «преступность» и др.). Однако, мы будем считать свою задачу выполненной, если книга вызовет желание дискутировать, возражать, дополнять и развивать обсуждаемые социально-психологические идеи и их эмпирическую базу.

Данная монография – это своего рода приглашение к диалогу коллег-ученых и практиков, заинтересованных в объективной оценке социальной действительности и поиске конструктивных социальных практик, позволяющих человеку сохранить и/или приобрести собственные ресурсы для противодействия нежелательным внешним процессам.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ (<i>О. А. Белобрыкина, М. И. Кошенова</i>)..	3
Раздел 1. ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	7
1.1. Виктимологические аспекты развития современного общества: состояние и перспективы (<i>О. О. Андронникова</i>)	7
1.2. Микронационализм и виртуализация государства: между протестом и социализацией (<i>Т. М. Хусяинов</i>)	18
1.3. Образ будущего российской семьи в условиях современных глобальных вызовов (<i>Ю. В. Ковалева</i>)	28
1.4. Дилеммы профессиональной идентичности личности в современных социокультурных условиях (<i>Л. Б. Шнейдер</i>)	39
Раздел 2. ДЕВИАНТНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	59
2.1. Зависимость как тоска человека по счастью (<i>М. Н. Зыкова, Л. Б. Шнейдер</i>)	59
2.2. Несовершеннолетние правонарушители: лечить, наказывать или... ищем другие варианты? (<i>М. И. Кошенова</i>)	85
2.3. Социально-психологический профиль подростка с поведенческими нарушениями (<i>О. А. Белобрыкина, Р. А. Лимонченко</i>)	100
2.4. От школьного буллинга к кибербуллингу: новая опасность в Виртуальном пространстве (<i>Т. М. Хусяинов, Е. Д. Муханова</i>)..	116
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ (<i>О. А. Белобрыкина, М. И. Кошенова</i>)	127

Научное издание

Андронникова Ольга Олеговна, **Шнейдер** Лидия Бернгардовна,
Белобрыкина Ольга Альфонсасовна, **Ковалева** Юлия Валерьевна,
Кошенова Марина Ивановна, **Зыкова** Маргарита Николаевна,
Хусяинов Тимур Маратович, **Муханова** Елена Дмитриевна,
Лимонченко Роман Андреевич

**СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ:
ВЫЗОВЫ, РИСКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Монография

В авторской редакции
Компьютерная верстка – *И. Т. Ильюк*

Подписано в печать 22.01.2019 г. Формат бумаги 60×84/16.
Печать цифровая. Уч.-изд. л. 6,0. Усл. печ. л. 7,6. Тираж 500 экз.
Заказ № 1.

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»
630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28
Тел.: 8(383) 244-06-62, www.rio.nspu.ru
Отпечатано: ФГБОУ ВО «НГПУ»